

(Продолжение.) Полная публикация: БВ 1918. № 1/2.
С. 39–73 (2-я пагин.). БВ 1918. № 6/9. С. 197–242.

Идеология социализма.

(Продолжение).

Такимъ образомъ, теорія экономическаго матеріализма, взятая въ своихъ строгихъ предѣлахъ и въ строгой выдержанности, даетъ полное основаніе различать въ человѣческой жизни двѣ стороны: лично-интимную и социальную, и она заявляетъ притязанія на экономическое объясненіе только второй стороны, только общественныхъ отношеній. Въ своемъ подлинномъ видѣ теорія историческаго матеріализма должна быть признана довольно невинной теоріей. Она не обнимаетъ всего интимнаго, внутренняго, главное—религіозно-этическаго содержанія личной жизни и интимныхъ отношеній между личностями. Она есть лишь теорія общества въ грубомъ смыслѣ слова. Общество, по Марксу, это—основанныя на антагонизмѣ классовъ общественныя отношенія, т. е. не отношенія одного лица къ другому лицу, а отношенія рабочаго къ капиталисту, арендатора къ землевладельцу и пр.

Нужно строго различать отношенія общественныя, образующія механизмъ общественной жизни, и отношенія лично-интимныя, составляющія совершенно особую ткань наряду съ общественнымъ механизмомъ ¹⁾. Смѣшивать эти два по-

¹⁾ Лично-интимную ткань взаимныхъ отношеній между людьми описываютъ Дильтей *Einleitung in die Geisteswissenschaften. Versuch einer Grundlegung für das Studium der Gesellschaft und der Geschichte* и др. соч., Мюнстербергъ въ *Philosophie der Werte*. „Разговариваютъ между собою (читаемъ у послѣдняго) два пріятели—о личныхъ удачахъ и неудачахъ, о пережитомъ и ожидаемомъ, о горячемъ политическомъ вопросѣ. Въ

рядка значить закрыть для себя путь къ уразумѣнію подлинной природы социальной жизни. Кульминаціоннаго

каждый моментъ разговора каждый изъ друзей чувствуетъ реальное существованіе другого и принимаетъ полное участіе въ радостяхъ и страданіяхъ его. То одинъ соглашается съ другимъ, то возникаетъ споръ; вотъ одинъ даетъ другому советъ, а вотъ онъ высказываетъ сомнѣніе; и съ каждой перемѣной темы они понимаютъ смыслъ словъ и жестовъ, понимаютъ мотивъ другого. Ни одинъ моментъ они не смотрятъ другъ на друга какъ на объекты, не представляютъ себѣ того, что происходитъ у другого въ мозгу, но ихъ внутреннее участіе, соподованіе, состраданіе, сочувствіе надеждамъ и страху другого—стоитъ въ сторонѣ отъ вещественнаго содержанія человеческой жизни, а непосредственно касается волевого существа чловѣка. Пониманіе и сомнѣніе, вопросы и отвѣты, согласіе и возраженіе, удивленіе и негодованіе, любовь и ненависть, состраданіе, зависть, злорадство, почтеніе—все это въ живомъ переживаніи переходитъ отъ цѣльнаго субъекта къ цѣльному субъекту. Психологъ сталъ бы внимательно прислушиваться къ нимъ и наблюдать ихъ какъ объекты, не принимая никакого участія въ ихъ надеждахъ и сомнѣніяхъ и разлагая психическія содержанія ихъ на болѣе простыя ощущенія. И каждый изъ друзей можетъ производить такую же разлагающую работу надъ психическимъ содержаніемъ другого, но цѣлое содержаніе никогда не станетъ для него воспринимаемымъ объектомъ, каждая часть этого содержанія душевной жизни другого имѣетъ для него тотъ субъективный характеръ, который можно лишь познать, постигать, о которомъ объективирующій психологъ ничего не можетъ знать. Лишь для волящаго субъекта существуютъ друзья и враги, образцы и подражатели, сотрудники и противники, благожелатели и завистники... Итакъ, можно считать прочно установленнымъ, что между волящими существами происходятъ реальныя, переживаемыя отношенія, которыя не имѣютъ ничего общаго съ каузальной связью объектовъ*.

Порядокъ интимныхъ отношеній и связей и порядокъ социально-механической организованности не совпадаютъ между собою и развитіе одного можетъ сопровождаться регрессомъ другого. Дж. Робсонъ констатируетъ такое несопаденіе въ современной жизни. По его словамъ (*Evolution of modern capitalism*),—„несмотря на механизмъ политическихъ, религиозныхъ, социальныхъ, промышленныхъ организацій въ крупныхъ городахъ, представляется вѣроятнымъ, что истинное духовное сѣвильеніе между отдельными членами (въ современной жизни) слабѣе, чѣмъ въ любой иной формѣ общества. Если правда, что по мѣрѣ того, какъ болѣе крупная деревня вырастаетъ въ городъ и городъ въ болѣе крупный промышленный центръ, обнаруживается прогрессивное ослабленіе узъ моральнаго сѣвильенія между отдельными лицами, то мы оказываемся лицомъ къ лицу съ наиболее тяжкимъ осужденіемъ, которое можетъ быть произнесено относительно современнаго промышленнаго процесса, и силы, влекущія все возрастающую долю нашего населенія въ города, приносятъ

пункта лично-интимный порядокъ достигаетъ въ религіозно-этической сферѣ.

Въ религіи и нравственности, равно какъ и въ философскомъ жизнепониманіи, нужно также различать два порядка: религію и нравственность личную, духовную, и религію и нравственность социальную, народную, господствующую. Непереступаемая грань между этими двумя порядками проводится тѣмъ различіемъ, что личная религія и нравственность характеризуется признакомъ абсолютности, свободы, духовности, при чемъ, въ силу этого же характера, религія неизбежно бываетъ, какъ личная, этической, духовною, а нравственность религіозною, тогда какъ социальная нравственность и народная религія этого признака не имѣютъ, напротивъ, имъ свойственны черты историческія и условныя. По смыслу теоріи, отъ социальнo-экономической основы стоятъ въ зависимости религія и нравственность не личныя, а народно-соціальныя, не личная, а социальная сторона религіи и нравственности, ихъ социальныя обнаруженія.

Зависимость отъ социальнo-экономическаго строя права, государства, политики легко понять. Право есть условное равновѣсіе силъ въ отношеніяхъ между индивидуумами и группами, при чемъ всякая сила въ послѣднемъ итогѣ есть сила экономическая. Всякая иная сила, раскрывшись, становится экономической, и обратно. Право всегда прикрываетъ собою экономическую силу, экономическій интересъ. Нельзя спорить съ Энгельсомъ, когда онъ называетъ „экономическое освобожденіе центромъ, вокругъ котораго вращалась всякая борьба классовъ и всѣ освободительныя движенія, неизбежно принимающія политическую форму“. По словамъ нашего знаменитаго покойнаго историка. В. О. Ключевскаго, „политическій порядокъ въ своемъ окончательномъ видѣ всегда отражаетъ въ себѣ совокупность и общій

съ собою паденіе нравственности, которая является необходимымъ противовѣсомъ ухудшенію физическихъ качествъ народа“.

Пониманіе особенностей социальнoй жизни мы видимъ у Лесли Стивна, высказывающаго (Science of ethics) ту мысль, что общественный организмъ можетъ развиваться и совершенствоваться независимо отъ измѣненія индивидуумовъ. О социальномъ механизмѣ энергично учитъ Лестеръ Нордъ, о которомъ рѣчь ниже.

характеръ частныхъ людскихъ интересовъ и отношеній, которыя онъ поддерживаетъ и на которыхъ самъ держится. Равнымъ образомъ, связь народныхъ вѣрованій и господствующихъ въ обществѣ нравственныхъ оцѣнокъ съ социальнымъ строемъ и экономическими отношеніями поддается почти осязательному доказательству. Проф. Ключевскій, называя основными историческими фактами факты политическіе и экономическіе, пишетъ, напр., о первомъ періодѣ русской исторіи: „всѣ другія явленія этого времени, учрежденія, социальныя отношенія, нравы, успѣхи знанія и искусства, даже нравственно-религіозной жизни, были прямыми или отдаленными послѣдствіями совокупнаго дѣйствія двухъ (указанныхъ) факторовъ, волостного торговаго города и внѣшней торговли“. Проф. Карѣевъ то же наблюдаетъ въ новой европейской исторіи ¹⁾. „Матеріальныя потребности человѣка всегда давали себя знать въ историческихъ движеніяхъ, и новѣйшая наука открыла экономическую основу (конечно, рядомъ съ духовною) у такихъ съ перваго взгляда чисто-идейныхъ движеній, каковыми, напр., были движенія религіозныя. Подъ знаменемъ церковной реформаціи, которая, повидному, вытекала всецѣло изъ неудовлетворенности обветшалыми формами религіозной жизни, происходили цѣлыя общественныя революціи, имѣвшія одинъ изъ главныхъ своихъ источниковъ въ экономическихъ интересахъ отдѣльныхъ классовъ населенія и искавшія или получавшія теоретическое оправданіе своихъ матеріальныхъ стремленій въ новыхъ духовныхъ принципахъ. Когда традиціонныя идеи, коими жило цѣлое общество, уступаютъ мѣсто новымъ понятіямъ и идеаламъ, въ сознаніи, притомъ, не отдѣльныхъ личностей, въ своемъ индивидуальномъ развитіи опережающихъ остальныхъ членовъ общества, а въ сознаніи цѣлыхъ классовъ послѣдняго, это всегда служитъ показателемъ нарожденія въ обществѣ болѣе или менѣе сильнаго стремленія къ перемѣнамъ въ области социальныхъ формъ, вытекающаго въ послѣднемъ анализѣ изъ неудовлетворенности матеріальныхъ потребностей и желанія достигнуть лучшаго экономическаго положенія“.

¹⁾ *Философія культурной и социальной исторіи новаго времени.*

Теорія историческаго матеріализма, въ своемъ истинномъ зернѣ, выступаетъ за границы социализма и, въ частности, марксизма. Зависимость социальной идеологіи отъ экономическихъ отношеній наблюдается и признается учеными, стоящими внѣ всякихъ связей съ Марксомъ и социализмомъ, какъ мы отчасти уже видѣли. Роджерсъ ¹⁾, Линпертъ ²⁾, Лампрехтъ ³⁾, Лакомбъ ⁴⁾, Дюркгеймъ ⁵⁾ и другіе ⁶⁾ пришли, частью позднѣе, а частью и раньше Маркса, къ основной идеѣ экономическаго объясненія исторіи своимъ путемъ, независимо отъ тѣхъ крайнихъ выводовъ, съ которыми теорія историческаго матеріализма связана у Маркса ⁷⁾.

По основному смыслу теоріи историческаго матеріализма вліяніе социально-экономическаго фактора не простирается на личность въ ея интимномъ, преимущественно, религіозно-этическомъ содержаніи. Авторитетная наука со всею рѣшительностью утверждаетъ, что социальная закономерность, въ частности статистическая устойчивость массовыхъ явленій ни малѣйше не захватываютъ индивидуальнаго своеобразія и интимной жизни личности. По выводамъ А. А. Чупрова, автора солиднаго изслѣдованія *Очерки по теоріи статистики*,

1) *L'interprétation économique de l'histoire.*

2) *Kulturgeschichte der Menschheit.*

3) *Alte und neue Richtungen in der Geschichtswissenschaft* и *Moderne Geschichtswissenschaft.*

4) *L'histoire considérée comme science.*

5) *De la division du travail social* и др.

6) Значеніе экономическихъ отношеній, въ частности, для права и государственной жизни было выяснено еще Э. Штейномъ въ *Die Volkswirtschaftslehre* и *Gegenwart und Zukunft des Rechts und Staatswissenschaft Deutschlands*, Данквартомъ (*Dankwardt*) *Nationalökonomisch-civilistische Studien* (р. пер. Цитовича *Гражданское право и общественная экономія*), *Nationalökonomie und Jurisprudenz*, Фольграфомъ (*Vollgraff*) *Staats und Rechtsphilosophie* и другими. У насъ проф. Янжель *Основыя начала финансовой науки*: „Самыя формы правленія до извѣстной степени опредѣляются финансовой организаціей и финансовыми потребностями государства“.

7) Противоположнаго взгляда на взаимное отношеніе между правомъ и формами экономической жизни держатся: Кэри, Дюрингъ *Cursus der National- und Socialökonomie* (*Курсъ національной и социальной экономіи*), *Kritische Geschichte der Nationalökonomie und des Socialismus*, также *Cursus der Philosophie*. Оценкѣймеръ *Theorie der reinen und politischen Oekonomie*—такъ называемый *liberaler Socialismus*—направленіе, не пмѣющее глубочайшихъ корней.

„съ единичнымъ случаемъ ни вѣроятность, ни законъ большихъ чиселъ не имѣють дѣла. Если мы, измѣривъ ростъ тысячи рекрутъ, найдемъ, что средняя величина роста равна a сантиметрамъ, то число a ничего не скажетъ намъ о томъ или иномъ изъ перемѣренныхъ новобранцевъ: оно можетъ быть использовано лишь какъ характеристика всей ихъ массы“. Также хорошо говоритъ Вормсъ ¹⁾: „Давая полезныя указанія на общія явленія социальной жизни, статистическій методъ не проникаетъ въ интимную жизнь отдѣльнаго лица, не вскрываетъ конкретной основы индивидуальной дѣятельности“ ²⁾. Исслѣдователи, помнящіе о границахъ социального метода, какъ бы ни высоко цѣнили коллективную сторону жизни, всегда оставляютъ мѣсто интимному содержанию личнаго сознанія и дѣйствования ³⁾.

Нужно однако знать, что независимостью лично-интимнаго

1) *Методъ научнаго анализа въ общественно-ѣтнмъ* (сб. *Социальная мораль*).

2) Вопросъ объ отношеніи закона большихъ чиселъ къ индивидууму обычно ставится какъ вопросъ о свободѣ воли, который повѣйшими теоретиками статистики и рѣшается въ положительномъ смыслѣ. Приведемъ слова того же А. А. Чуирова: „Въ увлеченіи картиной законмѣрности, которую массовое наблюдение раскрываетъ въ явленіяхъ общественной жизни, Кетле и, въ особенности, его поклонники изъ лагеря материалистовъ склонны были видѣть въ устойчивости статистическихъ чиселъ рѣшающій доводъ въ пользу гипотезы детерминированности человѣческихъ дѣйствій. Статистика неопровержимо доказываетъ,— утверждали они,— что все въ жизни человѣческой подчинено столь же непреложнымъ законамъ, какъ въ движеніи свѣтилъ небесныхъ. Такая попытка перенести метафизическій споръ на эмпирическую почву была, разумѣется, въ корнѣ безнадежна... Для того, чтобы въ массовыхъ итогахъ человѣческихъ дѣйствій устанавливалась извѣстная правильность, движенія воли отнюдь не должны быть механически связаны съ каузально детерминированными процессами вѣшняго міра... Свобода самая неограниченная отлично мирится съ фактомъ устойчивости чиселъ нравственной статистики“... Также Майръ *Закономѣрность въ общественной жизни*: „Нужно помнить, что, когда дѣло идетъ о статистическомъ законѣ, необходимо отрѣшиться отъ представленія о томъ или другомъ индивидуумѣ. Человѣкъ разсматривается въ этомъ случаѣ только какъ частица рода“. Могутъ быть названы многіе другіе авторы: Рюмелинъ, Зиммель, Гротенфельтъ, Карѣвъ и пр.

3) Гротенфельтъ *Die Wertschätzung in der Geschichte* и *Geschichtliche Wertmassstäbe in der Geschichtsphilosophie bei Historikern und in Volksbewusstsein*. Болдвинъ *Social and ethical interpretations in mental development*. Даже Дюркгеймъ и Бурдо оставляютъ мѣсто для лично-духовной жизни.

сознанія отъ общественнаго бытія предполагается обратная независимость общественнаго бытія отъ личныхъ идей, личныхъ идеаловъ ¹⁾. Это не только ставитъ теорію личного сознанія внѣ возраженій со стороны теоретиковъ соціальной закономѣрности, избавляетъ отъ необходимости защищать ее предъ идеей непрерывнаго развитія общественнаго сознанія; но и по существу эти двѣ независимости связаны неразрывно. Одна къ другой относится такъ же, какъ $5 > 3$ къ $3 < 5$. Одна не можетъ существовать безъ другой, одна не можетъ быть понята безъ пониманія другой. Независимое отъ общественнаго бытія, лично-интимное сознаніе, религіозно-этическая идея не можетъ вліять на общество, не имѣть соціальной силы. Личность можетъ находиться въ интимныхъ отношеніяхъ съ другими личностями, но это царство интимныхъ связей не есть общество, какъ объектъ соціальной науки. Личная идея становится общественной силою, историческимъ фактомъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой она теряетъ черты безусловности и пріобрѣтаетъ характеръ относительности. Вотъ какъ это представляется взору историка. Есть идеи, говоритъ В. О. Ключевскій, которыя удержали характеръ личнаго достоянія, не получили общественнаго характера; эти идеи проявляются въ памятникахъ науки и литературы, въ произведеніяхъ уединенной мастерской художника или въ подвигахъ личной самоотверженной дѣятельности въ пользу ближняго. Напротивъ, другія становятся общественнымъ достояніемъ, дѣлаются господствующими въ обществѣ, входятъ въ общее сознаніе, въ нравы, въ право, становятся правилами, обязательными и для тѣхъ, кто ихъ не раздѣляетъ, т. е. дѣлаются общественными фактами. Чтобы личная идея получила значеніе общепризнаннаго правила или убѣжденія, нуженъ цѣлый приборъ средствъ, поддерживающихъ ее обязательное дѣйствіе, — общественное мнѣніе, требованіе закона или приличія, гнетъ полицейской силы: она становится историческимъ факторомъ, когда овладѣваетъ какою-либо практическою силою, властью, народною массою или капиталомъ, силою, которая

¹⁾ Проф. Чичеринъ *Философія права*: „Нравственный законъ совершенно независимъ отъ экономическихъ отношеній, и, въ свою очередь, экономическіе законы независимы отъ нравственнаго“.

перерабатываетъ ее въ законъ, въ учрежденіе, въ промышленное или иное предпріятіе, въ обычай. Что изъ всего запаса личной мысли и чувства входитъ въ житейскій оборотъ, дѣлается достояніемъ общества, культурно-историческимъ запасомъ, то воплощается въ учрежденіе, въ юридическое или экономическое отношеніе, въ общественное требованіе; идея, добившаяся общественнаго признанія, становится руководительницей политики, законодательства и хозяйственнаго оборота. Не всякая идея попадаетъ въ этотъ процессъ, а попадая—сохраняетъ ли свой первоначальный видъ? Этотъ вопросъ равносильнъ вопросу объ историческомъ характерѣ учреждений, обычаевъ, законовъ, и потому на него можетъ быть только отрицательный отвѣтъ ¹⁾.

Идея личной духовной жизни является наиболѣе важною для правильнаго пониманія теоріи историческаго материализма. Она имѣетъ коренное значеніе для критики того употребленія, которое дѣлается въ марксизмъ изъ теоріи историческаго материализма. Въ этомъ отношеніи значеніе идеи духовной личности неизмѣримо и можетъ быть названо роковымъ. Къ этому мы возвратимся позднѣе. Здѣсь мы

¹⁾ Ср. Болдуинъ *Social and ethical interpretations in mental development*: In all the spheres of human activity and knowledge, new ideas come from those most capable, from endowment and education in the normal resources which society already offers, of making real advances in the understanding of nature, in the application of their knowledge in useful ways, and in the achievement of the highest and most ideal forms of poetic, artistic, and sentimental insight. These are society's normal teachers. What society then does is to *generalize the particular thought or value*. A new scheme of legislation is thought out by one man. It must be made a general thought in the group of fellow-citizens or fellow-legistators. This is one form of generalization of the thought. It does not retain just the form in each mind that it originally had. The essence of the thought is its general, workable part. Then, in order that it may be made effective for the good of society, only what is thus found general is actually carried out. So the form in which such a thought is realized in law—or, in other cases, in institution, ceremony, or custom—is seldom just which the originator conceived. The idea or essential contrivance remains the same; but it is given a form which fits it to the thought of many thinkers and to the practical needs which they bring to it... The result is that the new thought is „pared“ down, so to speak; its boldest and most novel outlines are obscured; and its form of final embodiment is that general form in which it can be most widely appreciated and applied.

пока устанавливаемъ подлинный характеръ теоріи историческаго матеріализма, какъ теоріи соціальной.

Объ этомъ характерѣ теоріи не только забываетъ апологетика, но и самъ марксизмъ, который не остается вѣрнымъ собственнымъ основаніямъ. Марксизмъ извѣстенъ какъ абсолютный экономизмъ, какъ абсолютный объективизмъ и именно социологизмъ: онъ выводитъ изъ экономическихъ отношеній всю и всякую идеологию ¹⁾, т. е. совсѣмъ не признаетъ религіи и нравственности, не принимаетъ никакихъ идеаловъ,—и онъ считаетъ единственною реальностью коллективъ, а въ личности не видитъ ничего онтологическаго, священнаго, объявляетъ ее простымъ пунктомъ пересѣченія соціальныхъ вліяній, передачи соціальныхъ движеній ²⁾.

Мы видимъ, что марксизмъ, какъ абсолютный экономизмъ и абсолютный объективизмъ, не имѣетъ для себя опоры въ теоріи историческаго матеріализма ³⁾.

Свобода и необходимость. Отъ абсолютнаго экономизма, отъ абсолютной детерминированности человѣка марксизмъ перескакиваетъ, въ діалектической игрѣ, къ абсолютной свободѣ, которая, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается не болѣе обоснованной, чѣмъ и экономизмъ.

¹⁾ Энгельсъ: „Что матеріальныя условія жизни людей, въ головахъ которыхъ совершается данный (т. е. религіозный) процессъ мышления, опредѣляютъ его собою, этого, конечно, не сознаютъ эти люди, потому что иначе пришелъ бы конецъ всякой идеологии — denn sonst wäre es mit der ganzen Ideologie am Ende“ (Ludw. Feuerb.).

²⁾ Отношеніе марксизма, какъ абсолютнаго экономизма и абсолютнаго объективизма, къ теоріи историческаго матеріализма такое же, какъ отношеніе эволюціонизма къ теоріи эволюціи и отношеніе этического социологизма къ теоріи соціальной морали: эволюціонизмъ изъ теоріи эволюціи дѣлаетъ единственный принципъ объясненія жизни, а социологизмъ въ единственный принципъ нравственности возводитъ соціальную мораль. Марксизмъ, однако, не только аналогиченъ по методу эволюціонизму и социологизму, но и совпадаетъ съ ними по содержанію.

³⁾ Апологетика, обычно, старается аргументировать непосредственно противъ экономизма. Этотъ пріемъ слѣдуетъ назвать *безнадежнымъ*, потому что съ объективной точки зрѣнія всякій истушокъ можно объяснить расчетомъ, заинтересованностью,—тѣмъ болѣе безнадежнымъ, что апологетика, не различая плчно-духовной жизни отъ соціальной нравственности, всегда утверждаетъ болѣе, чѣмъ позволительно научно, и тѣмъ до крайности затрудняетъ свою задачу.

Общественное сознание людей опредѣляется въ своихъ формахъ ихъ общественнымъ бытiемъ. На чемъ же утверждается этотъ порядокъ жизни, въ которомъ „процессъ производства управляетъ человѣкомъ, а не человѣкъ властвуетъ надъ нимъ“? На этотъ вопросъ марксизмъ даетъ опредѣленный отвѣтъ: подчиненiе людей экономической структурѣ основывается на безсознательности тѣхъ, которые подчиняются, на ихъ духовной слѣпотѣ. По словамъ Маркса (*Капиталъ*), „въ томъ строе общества, который мы теперь изучаемъ, дѣйствiя людей въ общественномъ процессѣ производства чисто атомистическiя. Вслѣдствiе этого отношенiя ихъ однихъ къ другимъ въ производствѣ принимаютъ вещественный характеръ, независимый отъ ихъ контроля и сознательной индивидуальной дѣятельности“. Это Марксъ называетъ фетишизмомъ. Въ частности, онъ называетъ фетишемъ товаръ. „Опредѣленное общественное отношенiе людей между собою принимаетъ въ ихъ глазахъ фантастическую форму отношенiй между предметами. Чтобы найти аналогiю подобныхъ отношенiй, надо обратиться въ изменчивую область народныхъ вѣрованiй, гдѣ произведенiя чело-вѣческаго ума кажутся независимыми существами, одаренными жизнью и вступающими въ отношенiе между собою и съ людьми. Тоже самое происходитъ въ товарномъ мiрѣ съ продуктами рукъ человѣка. Это я называю фетишизмомъ, присущимъ продуктамъ труда, разъ они производятся въ видѣ товаровъ, а потому неотдѣлимимъ отъ товарнаго производства“. Безсознательность, очевидно, является исторической, переходящею чертою экономическихъ отношенiй, и, очевидно, самый моментъ указанiя на безсознательность социальнаго процесса служить началомъ установленiя новыхъ порядковъ. Марксъ предрекаетъ наступленiе царства экономической свободы. Главнымъ признакомъ этой свободы Марксъ считаетъ исчезновенiе вѣрованiй. „Отраженiе дѣйствительнаго мiра въ вѣрованiяхъ можетъ исчезнуть лишь тогда, когда условiя труда и практической жизни представлятъ человѣку ясныя и разумныя отношенiя къ подобнымъ ему и къ природѣ. Общественная жизнь, основанiемъ которой служитъ вещественное производство и предполагаемыя имъ отношенiя, только тогда освободится отъ закутывающаго ее таинственнаго тумана, когда станетъ произведенi-

емъ людей свободно соединившихся въ общество, дѣйствующихъ сознательно и сообразно опредѣленному плану“¹⁾. Наступленіе грядущей свободы Марксъ сравниваетъ съ пробужденіемъ отъ сна. Всю предшествующую исторію человечества, включая и настоящую стадію, онъ называетъ донсторической эпохой человѣческаго общества.

О господствѣ въ современномъ экономическомъ строеѣ безсознательности и грядущемъ царствѣ свободы говоритъ также и Энгельсъ. Въ своихъ раннихъ *Наброскахъ для критики національной экономіи* онъ пишетъ о законѣ конкуренціи, подтверждающемъ правильностью торговыхъ кризисовъ: „Какого должны мы быть мнѣнія о законѣ, который можетъ осуществиться только путемъ періодическихъ революцій? Такой законъ — законъ природы, покоящейся на безсознательности участвующихъ въ обмѣнѣ. Колебанія конкуренціи и ея склонность къ кризисамъ стали бы невозможны, если бы производители сами знали, сколько требуется потребителямъ, если бы они организовали производство, распредѣлили бы его между собою. Производите, слѣдовательно, какъ люди, а не какъ изолированные другъ отъ друга атомы,

1) Правъ ли Марксъ, считая признакомъ грядущей социальной организованности, экономической плановѣрности, исчезновеніе религіи? Онъ не правъ уже потому, что для него социальными вѣрованіями очерчивается вся область религіи,—онъ забываетъ о личной духовной жизни. Самъ же онъ въ статьѣ *Къ еврейскому вопросу*, о которой будетъ рѣчь ниже,—считаетъ недостаточнымъ для господства атеизма отдѣленіе церкви отъ государства, политическаго освобожденія религіи, такъ какъ именно въ этомъ случаѣ религія, какъ свободное дѣло личности, расцвѣтаетъ наиболее ярко. У Энгельса относительно нравственности въ будущемъ царствѣ свободы мы встрѣчаемъ болѣе обдуманную, хотя и случайно брошенную, фразу. Утверждая, что *новый мораль можетъ быть лишь классовою*, и люди, сознательно или безсознательно, очерняютъ свои нравственныя воззрѣнія, въ послѣдней пестаницѣ, изъ тѣхъ практическихъ отношеній, на которыхъ основывается ихъ классовое положеніе, изъ тѣхъ экономическихъ отношеній, въ которыхъ они совершаютъ производство и обмѣнъ, Энгельсъ полагаетъ, что съ уничтоженіемъ классовъ не исчезла бы вообще нравственность, но наступила бы дѣйствительно человѣческая нравственность: *Eine über den Klassengegensätzen und über der Erinnerung an sie stehende, wirklich menschliche Moral wird erst möglich auf einer Gesellschaftsstufe, die den Klassengegensatz nicht nur überwunden, sondern auch für die Praxis des Lebens vergessen hat (H. E. Dührings Umwälzung der Wissenschaft).*

лишенные родового сознания, и вы преодолѣете эти искусственные и несостоятельныя противорѣчія. Но пока вы продолжаете производить по прежнему, бессознательно, бессмысленно, предоставляя все на произволь судьбы, не исчезнуть и торговые кризисы“. Та же тема раскрывается въ *Анти-Дюрингъ*. „Каждое общество, покоящееся на товарномъ производствѣ, имѣетъ ту особенность, что въ немъ производители потеряли власть надъ своими собственными общественными отношеніями. Каждый производитъ собственными, выпавшими ему на долю, средствами и для своихъ личныхъ надобностей. Никто не знаетъ, какое количество его продуктовъ попадетъ на рынокъ, какое количество ихъ будетъ вообще потреблено, никто не знаетъ, существуетъ ли дѣйствительная потребность въ его индивидуальномъ продуктѣ, будутъ ли издержки на продуктъ покрыты и будетъ ли онъ вообще проданъ. Господствуетъ анархія общественнаго производства. Но товарное производство, какъ и всякая другая форма производства, имѣетъ свои собственные, присущіе ей, неотдѣлимые отъ нея законы, и эти законы дѣйствуютъ, несмотря на анархію, въ ней и посредствомъ нея. Они проявляются въ единственной сохранившейся формѣ общественной связи, въ обмѣнѣ, и обнаруживаютъ свое дѣйствіе по отношенію къ отдѣльнымъ производителямъ, какъ принудительные законы конкуренціи. Вначатѣ они даже неизвѣстны этимъ производителямъ и лишь постепенно постигаются путемъ долгаго опыта. Они проявляются, такимъ образомъ, безъ участія производителей и противъ воли ихъ, какъ слѣпо дѣйствующіе естественные законы формы ихъ производства. Продуктъ господствуетъ надъ производителями. Во всякомъ обществѣ съ естественно-развивающимся производствомъ,—а современное общество таково,—не производители господствуютъ надъ средствами производства, но средства производства господствуютъ надъ производителями. Въ такомъ обществѣ каждый новый рычагъ производства необходимо превращается въ новое орудіе рабства производителей средствамъ производства. Это относится, преяде всего, къ тому рычагу производства, который вплоть до возникновенія крупной индустріи, былъ наиболѣе могущественнымъ,—къ раздѣленію труда. Какимъ же путемъ человѣчеству возможно освободиться отъ этого порабощенія средствамъ про-

производства, отъ безсмысленнаго рабства хозяйственнымъ отношеніямъ? Это произойдетъ путемъ признанія общественной природы современныхъ производительныхъ силъ и путемъ согласованія способовъ производства, присвоенія и обмѣна съ общественнымъ характеромъ средствъ производства. Этимъ путемъ общественный характеръ средствъ производства и продуктовъ, который нынѣ обращается противъ самихъ производителей, который періодически нарушаетъ способы производства и обмѣна и проявляется лишь насильственно и разрушительно какъ слѣпо дѣйствующій естественный законъ (*sich nur als blindwirkendes Naturgesetz gewalthätig und zerstörend durchsetzt*), — осуществляется производителями съ полнымъ сознаніемъ и превращается изъ причины помѣхи и періодическихъ краховъ въ мощный рычагъ самого производства. Проявляющіяся въ общественной жизни силы (*die gesellschaftlich wirksamen Kräfte*) дѣйствуютъ совершенно такъ же, какъ и естественныя силы: слѣпо, насильственно, разрушительно, пока мы не познаемъ ихъ и не принимаемъ въ расчетъ. Но если мы ихъ какъ-либо познали, если мы постигли ихъ дѣйствіе, ихъ направленіе, ихъ слѣдствія, то уже отъ насъ однихъ зависитъ — подчинять ихъ болѣе или менѣе нашей волѣ и достигать при посредствѣ ихъ нашихъ цѣлей. Особенно это нужно сказать о современныхъ могущественныхъ производительныхъ силахъ. Пока мы упорно отказываемся уразумѣть ихъ природу и ихъ характеръ, — а такому уразумѣнію противится капиталистическій способъ производства, противятся его защитники, — до тѣхъ поръ эти силы дѣйствуютъ вопреки намъ, противъ насъ, до тѣхъ поръ онѣ господствуютъ надъ нами. Но какъ только мы постигаемъ ихъ природу, онѣ могутъ превратиться въ рукахъ объединившихся производителей изъ демоническихъ властителей въ послушныхъ рабовъ. Какъ покорены чело- вѣкомъ силы электричества и огня, такъ и производительныя силы будутъ покорены при общественно-планомѣрномъ регулированіи производства. Когда общество овладѣетъ средствами производства, тогда прекратится производство товаровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратится господство продукта надъ производителями. Анархія въ области общественнаго производства замѣнится планомѣрной сознательной организаціей. Борьба за существованіе между разрозненными лич-

ностями прекратится. Вслѣдствіе этого впервые человѣкъ, въ строгомъ смыслѣ, окончательно выдѣлится изъ царства животныхъ, перейдетъ изъ сферы животныхъ условій существованія въ область подлинно человѣческую. Среда окружающихъ человѣка жизненныхъ условій, которая до сего времени господствовала надъ людьми, перейдетъ подъ власть и контроль людей, которые теперь впервые станутъ сознательными, дѣйствительными господами природы, ставъ господами своей собственной общественной жизни. Законы ихъ собственнаго общественнаго дѣланія, которые до сего времени противостояли имъ какъ чуждые, господствующіе надъ ними естественные законы, будутъ тогда прилагаться людьми съ полнымъ знаніемъ дѣла и, вслѣдствіе этого, будутъ въ покорности у нихъ. Собственная общественная жизнь людей, которая доселѣ противостояла имъ какъ зависящая отъ природы и исторіи, будетъ теперь ихъ собственнымъ свободнымъ дѣломъ. Объективныя, чуждыя силы, которыя доселѣ обладали исторіей, перейдутъ подъ контроль самихъ людей. Лишь съ того времени люди сами съ полнымъ сознаніемъ будутъ дѣлать свою исторію, лишь съ того времени приведенныя ими въ движеніе общественныя причины будутъ, въ большинствѣ случаевъ и въ постоянно возрастающей степени, приносить и желанныя имъ результаты. Это будетъ прыжокъ человѣчества изъ царства необходимости въ царство свободы—*es ist der Sprung der Menschheit aus dem Reiche der Nothwendigkeit in das Reich der Freiheit*“.

Какъ же нужно понимать это „обѣтованное“ царство свободы? Повидимому, къ этому вопросу сводится весь анализъ марксистской теоріи общества. Если въ сферѣ социальнаго историческаго развитія различаются двѣ фазы, изъ которыхъ въ одной природно-социальная необходимость осложняется тьмою бессознательности, придающей всему процессу характеръ бессмысленности, искусственности, тогда какъ во второй процессъ разворачивается на полномъ просторѣ, въ естественныхъ условіяхъ, въ естественномъ освѣщеніи, то, конечно, процессъ можетъ быть исполнѣнъ постигнуть лишь во второй фазѣ. Для насъ интересно наблюдать, какъ до сего времени различались мотивы, которыми руководилось человѣческое сознаніе, и реальныя причины, которыя вынуждали людей усваивать тѣ или другія формы общественнаго строя: намъ

любопытно, оглядываясь на протекшую исторію, наблюдать, какъ люди обманывались въ своихъ думaxъ о самихъ себѣ, какъ они играли роль маріонетокъ, танцовавшихъ подъ дѣйствіемъ матеріальныхъ производительныхъ силъ въ то время, какъ считали себя творцами своей жизни, вѣрвали въ управляющій всеѣмъ промыслъ. Однако все это было прежде, вся эта зависимость должна прекратиться съ разсвѣтомъ сознанія. Законы, которыми управлялась истекшая исторія человѣчества, имѣютъ лишь историческій интересъ. Для науки и для философіи важно изучить процессъ въ состояніи свободы. Какъ же нужно представлять себѣ грядущее царство свободы?

Оказывается, что въ этомъ царствѣ необходимость не исчезнетъ, что вся свобода, о которой столь громко возвѣщаетъ социализмъ, состоитъ лишь въ социальной организаціи труда и распредѣленія продуктовъ.

Такъ рѣшительно объясняетъ свободу Марксъ въ отрывкѣ изъ третьяго тома *Капитала*, который уже приводился раньше. „Царство свободы наступаетъ въ дѣйствительности только тогда, когда прекращается трудъ, вынужденный нуждою и внѣшнею цѣлесообразностью; слѣдовательно, по существу оно находится внѣ сферы матеріальнаго производства собственно. Какъ дикарю для удовлетворенія своихъ потребностей, для поддержанія своего существованія и воспроизведенія приходится бороться съ природою, то же самое приходится дѣлать и человѣку цивилизованному, и дѣлать это приходится при всякихъ общественныхъ формахъ и при всевозможныхъ способахъ производства. Съ развитіемъ его расширяется такая область естественныхъ потребностей, такъ какъ увеличиваются его потребности, но вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваются также производительныя силы, которыя удовлетворяютъ ихъ. Свобода въ этой области можетъ заключаться только въ томъ, чтобы человѣкъ, ставшій существомъ общественнымъ, чтобы объединенные производители регулировали такой свой обмѣнъ веществъ съ природою разумно, подчинили бы его своему общему контролю, вмѣсто того, чтобы давать ему властвовать надъ собою какъ слѣпой силой,—чтобы совершалось это съ наименьшею тратой силы и при условіяхъ наиболѣе достойныхъ ихъ человѣческой природы и наиболѣе ей соответствующихъ. Но это

все-же остается царством необходимости. За нимъ начинается развитіе человѣческихъ силъ, которое само служитъ себѣ цѣлью, дѣйствительное царство свободы, которое однако можетъ процвѣтать, только имѣя основаніемъ такое царство необходимости“.

Объ отношеніи свободы къ необходимости въ смыслѣ неустрашимости послѣдней еще прямѣе говоритъ Энгельсъ, слѣдуя Гегелю, въ *Анти-Дюрингъ*. „Гегель первый правильно представилъ отношеніе между свободой и необходимостью. Для него свобода есть пониманіе необходимости. *Свѣта необходимости лишь постольку, поскольку она не понята* (blind ist die Nothwendigkeit nur insofern dieselbe nicht begriffen wird). Не въ воображаемой независимости отъ законовъ природы лежитъ свобода, не въ познаніи этихъ законовъ и въ связанной съ нимъ возможности планомерно пользоваться ими для опредѣленныхъ цѣлей. Это относится столько же къ законамъ внѣшней природы, какъ и къ тѣмъ, которые управляютъ физическимъ и духовнымъ бытіемъ самого человека—два ряда законовъ, которые мы можемъ раздѣлять развѣ только въ мысли, а не въ дѣйствительности. Поэтому, свобода воли означаетъ не что иное, какъ способность человека быть въ состояніи рѣшать съ знаніемъ дѣла. Чѣмъ, слѣдовательно, свободнѣе рѣшеніе человека по отношенію къ извѣстному вопросу, тѣмъ съ большею необходимостью будетъ опредѣлено содержаніе этого рѣшенія, тогда какъ неувѣренность, покоящаяся на незнаніи, которая, повидному, произвольно выбираетъ между многими различными и взаимно противорѣчающими возможными рѣшеніями, тѣмъ самымъ доказываетъ свою несвободу, свое подчиненіе тому объекту, надъ которымъ она должна была господствовать. Свобода, слѣдовательно, состоитъ въ томъ господствѣ надъ самимъ собою и надъ внѣшней природой, которое основывается на познаніи естественной необходимости“.

Еще разъ мы находимъ у Маркса эту же мысль о неустрашимой необходимости естественнаго процесса въ предисловіи къ первому изданію перваго тома *Капитала*. „Если даже общество и напало на слѣдъ естественнаго закона своего движенія,—а конечную цѣль этого сочиненія и составляло открыть экономическій законъ движенія современнаго общества,—то оно не можетъ ни перескочить естественная

фазы своего развитія, ни устранить ихъ посредствомъ декретовъ". Марксъ претендуетъ очень на немногое. „Но, добавляетъ онъ, оно можетъ сократить и уменьшить муки родовъ" -- и только.

Свободой, ни въ формѣ познанія, ни въ формѣ социальной организаціи труда, не замѣняется необходимость ¹⁾. По-

¹⁾ Проф. Чичеринъ *Философія права*: „Подобно тому, какъ физическую природу человѣкъ можетъ покорять себѣ, только подчиняясь ей законамъ, такъ и въ экономической области онъ можетъ достигать своихъ цѣлей, только подчиняясь управляющимъ ею законамъ".

Ксенополь *La théorie de l'histoire*: „Слѣдуетъ замѣтить, что человѣкъ, хотя и можетъ осознать ходъ эволюціи, нисколько не овладѣваетъ имъ. Она всегда совершается независимо отъ воли человѣческой, производитъ новыя и непредвидѣнныя формаціи, сокрушаетъ все, что стоитъ на ея пути, часто покрываетъ свой путь развалинами и трупами, не внемлетъ слезамъ и стenanіямъ, сопровождающимъ ея колесницу. -- она величественно шествуетъ по пути, который ей намѣтила судьба. Вся исторія свидѣтельствуетъ, что эволюція, т. е. прогрессъ или регрессъ обществъ, совершается помимо воли индивидуумовъ, входящихъ въ ихъ составъ, и что факты, къ которымъ приводитъ развитіе, почти всегда непредвидѣнны и непредвидимы. Они возникаютъ -- неизвѣстно, какъ и почему -- изъ глубинъ невѣдомаго, чтобы сочетаться въ цѣль послѣдовательныхъ явленій и образовать серію событій, у которыхъ можно иногда подмѣтить начало, но нельзя предугадать конца. Эволюція можетъ сдѣлаться сознательною лишь *post factum*, и слѣдуетъ даже замѣтить, что смыслъ и направленіе историческаго потока вступаютъ въ сознаніе лишь тогда, когда онъ сдѣлался достаточно могучимъ, чтобы быть замѣченнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и достаточно могучимъ для того, чтобы подавить всякое усиліе воли. Одинъ только гений, а не рефлексія, можетъ предусмотрѣть развитіе и проникнуть въ тайну грядущихъ событій. Слѣдуетъ еще замѣтить, что эта независимость эволюціоннаго движенія отъ воли встрѣчается не только въ примитивныя времена, когда эволюція не осознается ни въ малѣйшей степени, но даже и въ тѣ эпохи, когда рефлексія проникаетъ въ развитіе и когда ходъ вещей подмѣчается сознаніемъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ развитіе совершается также независимо отъ воли. Человѣкъ видитъ, куда онъ идетъ, но онъ не можетъ противиться потоку, который его уноситъ. Онъ хорошо сознаетъ направленіе, въ которомъ несется, но его усилія удержаться безсильны даже и тогда, когда онъ быстро приближается къ пропасти. Конечно, социальные измѣненія, составляющія историческіе факты, суть общій продуктъ индивидуальных дѣятельностей. Каждое социальное дѣло начинается индивидуумомъ, потому оно распространяется на группу и становится общимъ. Индивидуальное дѣяніе можетъ быть сознательнымъ и желаннымъ: общее дѣло, получающееся изъ активности, будетъ различаться отъ того, что совершается каждымъ, и социальный результатъ будетъ совершенно инымъ, чѣмъ то, къ чему стремились индивидуумы" и т. д.

слѣднее рѣшеніе социальна-исторической проблемы скрывается въ характерѣ социальна-исторической закономерности.

Мы уже раньше видѣли, какъ социалистическая теорія постоянно перебѣгаетъ отъ мысли о естественности историческаго процесса къ мысли о сознательности стремлений, которыя, сталкиваясь, образуютъ сферу кажущейся случайности, а отъ мысли о случайности, господствующей на поверхности историческаго моря, снова къ мысли о закономерности историческаго развитія; мы видѣли, какъ марксизмъ старается открыть законы общественнаго развитія, и именно—законы, которыми опредѣляется современная хозяйственная эпоха. Теперь у насъ рѣчь не о законахъ, которые открываетъ научный социализмъ, а объ общемъ характерѣ социальна-историческаго процесса. Пбо въ этомъ отличіе задачъ теоріи историческаго матеріализма отъ задачъ экономическаго ученія Маркса ¹⁾.

Социально-историческій процессъ. Марксъ даетъ довольно опредѣленный отвѣтъ на вопросъ о характерѣ социальна-историческаго процесса. Признавая автоматичность, стихійность и независимость отъ личной предусмотрительности общественно-экономическаго процесса, Марксъ вмѣстѣ съ тѣмъ отвергаетъ мысль объ общихъ законахъ хозяйственной жизни. „...Изъ подобныхъ формъ,— пишетъ онъ въ *Камиталъ*,—и состоятъ категоріи буржуазной политической экономіи. Эти формы мышленія объективно истинны, насколько онѣ отражаютъ дѣйствительныя общественныя отношенія, но отношенія эти имѣютъ силу только для опредѣленной, данной исторической эпохи, въ которой товарное производство является общественнымъ способомъ производства“. Въ частности о законѣ народонаселенія, или размноженія, онъ пишетъ: „рабочее населеніе, производя накопленіе капитала, производитъ въ то же время возрастающій относительный избытокъ самого себя. Это законъ прироста населенія, свойственный капиталистическому способу производства; вообще каждому исторически-особенному способу производства соответствуетъ свой собственный законъ возрастанія населенія, имѣющій силу лишь въ его предѣлахъ.“

¹⁾ Хотя все-же принципиальная критика экономическаго марксизма по содержанію относится уже къ философской части изслѣдованія.

Абстрактный законъ размноженія существуетъ только для растений и животныхъ, до тѣхъ поръ, пока они не подвергаются историческому влiянiю человѣка“. И еще: „чѣмъ значительнѣе общественное богатство, функционирующiй капиталъ, размѣръ и энергiя его накопленiя, слѣдовательно, чѣмъ болѣе также абсолютная величина рабочаго населенiя и производительность его труда, тѣмъ болѣе и относительный избытокъ населенiя и запасная промышленная армiя... Но тѣмъ болѣе эта запасная армiя въ сравненiи съ дѣйствующей армiей, тѣмъ значительнѣе постоянный избытокъ населенiя или тѣ слои рабочихъ, нищета которыхъ находится въ обратномъ отношенiи къ тягости ихъ труда. Чѣмъ, наконецъ, болѣе слой лазарей рабочаго класса и запасная промышленная армiя, тѣмъ болѣе и официальный науперизмъ. Это абсолютный общiй законъ капиталистическаго накопленiя. Подобно всѣмъ другимъ общимъ законамъ, при своемъ проявленiи онъ видоизмѣняется вслѣдствiе влiянiя многочисленныхъ условiй“. Въ предисловiи ко второму изданiю Марксъ выписываетъ характеристику его методологiи изъ названной выше рецензiи *Вѣстника Европы*. Этотъ рецензентъ писалъ: „Общихъ законовъ для Маркса не существуетъ. (Изъ его сочиненiя надобно заключить, что непосредственное изслѣдованiе экономическихъ явленiй, принадлежащихъ къ различнымъ стадiямъ исторiи развитiя хозяйства, привело его къ отрицанiю экономическихъ законовъ, общихъ для всѣхъ стадiй развитiя). По его мнѣнiю, напротивъ, каждый (крупный) историческiй перiодъ имѣетъ свои законы, (которымъ жизнь подчиняется только до тѣхъ поръ, пока она переживаетъ этотъ перiодъ). Но какъ только жизнь пережила данный перiодъ развитiя, вышла изъ данной стадiи и вступила въ другую, она начинаетъ управляться другими законами“¹⁾ ²⁾ и т. д.

Равнымъ образомъ Энгельсъ въ *Анти-Дюрингѣ* пишетъ: „Условiя, при которыхъ люди производятъ и обмѣниваются товарами, измѣняются изъ страны въ страну, а въ каждой

1) Въ скобки заключены тѣ мѣста рецензiи, которыя опускаются Марксомъ.

2) Здѣсь же нужно припомнить и сказанное раньше объ историзмѣ Маркса.

странъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Политическая экономія, поэтому, не можетъ быть одна и та же для всѣхъ странъ и всѣхъ историческихъ эпохъ. Громадная пропасть между лукомъ и стрѣлами, каменнымъ ножомъ и появляющимся лишь въ исключительныхъ случаяхъ мѣновыми сношеніями дикарей, съ одной стороны, и паровыми громадной силы машинами, механическимъ ткацкимъ станкомъ, желѣзными дорогами и англійскимъ банкомъ—съ другой. Жители Огненной Земли не дошли до массоваго производства и всемірной торговли, такъ же, какъ и до вексельныхъ спекуляцій и биржевыхъ краховъ. Поэтому, кто пожелаетъ приложить одни и тѣ же законы къ политической экономіи Огненной Земли и къ политической экономіи современной Англійи, тотъ, очевидно, не извлечетъ на свѣтъ Божій ничего, кромѣ самыхъ банальныхъ общихъ мѣстъ. Такимъ образомъ, политическая экономія въ высшей степени историческая наука. Она имѣетъ дѣло съ *историческимъ*, т. е. постоянно измѣняющимся матеріаломъ, она прежде всего изслѣдуетъ особые законы каждой отдельной ступени въ эволюціи производства и обмена, и лишь въ концѣ этого изслѣдованія можетъ установить немногіе, имѣющие примѣненіе къ производству и обмѣну, совершенно всеобщіе законы¹⁾...

1) В. Зомбартъ *Der moderne Kapitalismus (Современный капитализм)* ставитъ упорядочивающій принципъ соціальной науки въ зависимость отъ временнаго различія хозяйственныхъ феноменовъ, т. е. въ зависимость отъ того или другого характера историческихъ хозяйственныхъ эпохъ и, поэтому, называетъ открытіе упорядочивающаго принципа въ соціальной наукѣ исторической проблемой. По его словамъ, въ соціальной наукѣ мы должны отказаться отъ надежды достигнуть установившейся законности, имѣющей характеръ безусловной всеобщности и необходимости. Въ то время какъ сущность естественно-историческаго изслѣдованія состоитъ въ томъ, чтобы представлять себѣ подлежащіе ему феномены и ихъ взаимоотношенія, какъ постоянные, соціальная наука должна считаться съ тѣмъ элементарнымъ фактомъ, что она противопоставляетъ въ каждый данный моментъ новымъ явленіямъ благодаря непрестанной смѣнѣ условий, опредѣляющихъ собою единичные феномены... Высшей задачей политической экономіи Зомбартъ признаетъ: формулировать различныя теоріи для каждаго опредѣленнаго, исторически ограниченнаго хозяйственнаго періода.

То же у Геринга *Логика экономіи. Основыла экономической науки съ энергетической точки зрѣнія*, *Логика Соціологіи*.

По идеѣ индивидуальности историческаго процесса Маркъ становится въ ряды представителей позднѣйшаго направленія теоріи историческаго знанія, имѣющаго задачей самое рѣшительное преодоленіе натурализма въ социальной философіи. Здѣсь ставится на принципиальную почву и рѣшается задача, оказавшаяся непосильной для исторической школы. Какъ наиболѣе видные представители этого направленія, могутъ быть названы Дильтей ¹⁾, Вундтъ ²⁾, Мюнстербергъ ³⁾, которые раздѣляютъ весь объемъ научнаго познанія на двѣ группы наукъ (по содержанію)—науки о природѣ (*Naturwissenschaften*) и науки о духѣ (*Geisteswissenschaften*), Виндельбанъ и Риккертъ, которые различаютъ двѣ группы наукъ—науки о природѣ и науки о культурѣ (*Kulturwissenschaften*)—въ методологическомъ отношеніи ⁴⁾. Особенно широкую извѣстность получили теорія Виндельбанда и Риккерта.

Виндельбанъ ⁵⁾ различаетъ мышленіе *номотетическое*, которое примѣняется въ естественныхъ наукахъ, и мышленіе *идіографическое*, примѣненіе котораго создаетъ историческія науки. Естествознаніе отыскиваетъ законы, исторія—отдѣльныя явленія. Въ первомъ случаѣ мышленіе стремится перейти отъ установленія частнаго къ пониманію общей связи, во второмъ—оно останавливается на тщательномъ выясненіи частнаго. Естествоиспытателю отдѣльный данный объектъ

¹⁾ Относящіяся сюда труды Дильтея: *Einleitung in die Geisteswissenschaften. Versuch einer Grundlegung für das Studium der Gesellschaft und der Geschichte*,—*Studien zur Grundlegung der Geisteswissenschaften* въ *Sitzungsberichte der königlich-preussischen Akademie der Wissenschaften*,—*Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften* въ *Abhandlungen der k.-pr. Ak. der. W.*

²⁾ Изъ сочиненій Вундта упоминаемъ *Систему философіи* и особенно *Логіку*.

³⁾ Изъ многочисленныхъ сочиненій Мюнстерберга здѣсь нужно назвать: *Grundzüge der Psychologie* В. I. *Allgemeiner Teil. Die Principien der Psychologie* и *Philosophie der Werte*.

⁴⁾ Другіе теоретики историческаго знанія: Нартъ *Geschichte der Psychologie*, Курно *Essai sur les fondements de nos connaissances*, Навиль *Nouvelle classification des sciences*, Зиммель *Die Probleme der Geschichtsphilosophie*, его же *Soziologie*.

⁵⁾ *Geschichte und Naturwissenschaft, Präliminien*, къ рус. пер. *Предлѣніи прѣлѣж. и переводъ ст. Исторія и естествознаніе*.

его наблюденія нуженъ лишь, какъ спеціальнѣйшій случай родового понятія, интересуетъ его лишь тѣми признаками, которые важны для уясненія общей закономерности: историкъ же имѣетъ своей задачей идеально возсоздать какой-либо продуктъ прошлаго со всѣми его индивидуальными чертами. Также и Риккертъ ¹⁾ усвояетъ естествознанію методъ генерализирующій (*generalisierende Auffassung*), а исторіи—методъ индивидуализирующій (*individualisierende Auffassung*). Онъ раздѣляетъ всѣ науки на естественно-научныя или оперирующія съ общими понятіями (*naturwissenschaftlichen oder allgemeinbegrifflichen*) науки о природѣ и оперирующія съ индивидуальными понятіями (*individuellbegrifflichen*) науки о культурѣ. Что мы называемъ природой, это есть результатъ особаго угла зрѣнія въ познаніи, особаго пониманія дѣйствительности: отвлекающееся отъ всякаго понятія цѣнности индивидуальнаго (*wertfrei*) познаніе общаго въ вещахъ, составленіе общихъ понятій, или законовъ, полезныхъ въ практическомъ брошеніи. Напротивъ, индивидуализирующій взглядъ на дѣйствительность есть точка зрѣнія челоука, какъ чувствующаго, хотящаго и дѣйствующаго, какъ желающаго ориентироваться среди повсюду индивидуальной дѣйствительности, какъ производящаго оцѣнку, какъ обращающаго вниманіе на единственное и въ силу единственности единое, нераздѣльное, цѣльное, индивидуальное единство. Для исторіи не нужны общіе законы: тамъ, гдѣ дѣйствительность должна быть постигнута въ ея индивидуальности и конкретности, бессмысленно подводить ее подъ общіе законы, или устанавливать законы историческаго. Такъ какъ въ понятіе закона входитъ лишь только то, что всегда можно разсматривать такимъ образомъ, какъ будто бы оно повторялось любое число разъ, то поэтому понятіе историческаго развитія и понятіе закона взаимно исключаютъ другъ друга. Историческій законъ есть *contradictio in adjecto*. Однако логическая противоположность между природою и исторіею не имѣетъ ничего общаго съ противо-

¹⁾ *Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung*, р. и. *Grenzen des naturwissenschaftlichen Erkenntnis*, *Naturwissenschaft und Kulturwissenschaft*, р. и. *Науки о природѣ и науки о культурѣ*, *Geschichtsphilosophie*, р. и. *Философія исторіи*.

ложностью между необходимостью и свободой; индивидуальное пониманіе исторіи вовсе не утверждаетъ индивидуальной свободы. Риккертъ признаетъ историческую причинную связь, онъ лишь отказывается назвать ее каузальнымъ закономъ. По его словамъ, всякая дѣйствительная связь причины и дѣйствія должна быть характеризуема какъ *историческая причинная связь* въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ всякая причина и всякое дѣйствіе отличны отъ всякой другой причины и отъ всякаго другого дѣйствія. Понятіе *каузальнаго закона* примѣнимо, когда индивидуальныя причинныя связи разсматриваются въ отношеніи того, что обще имъ съ другими причинными связями, или если образуется безусловно общее понятіе, содержащее въ себѣ лишь то, что повторяется въ какомъ-угодно количествѣ причинныхъ связей. Историческая причинная связь отличается отъ естественно-научной, такъ что понятіе причинной связи, какъ таковой, не тождественно съ понятіемъ природной законѣрности. Напротивъ, понятіе однократнаго и индивидуальнаго причиннаго ряда исключаетъ возможность выраженія его посредствомъ понятія законовъ природы ¹⁾.

1) Кеенополь—*La théorie de l'histoire*—раздѣляетъ все науки на sciences théoriques, имѣющія дѣло съ phénomènes de répétition, явлениями повторяющимися, подлежащими законамъ (sciences de lois), и sciences historiques, выдающія phénomènes successifs, которыя не повторяются во времени. Въ примененіи къ послѣднимъ Кеенополь замѣняетъ понятіе закона понятіемъ серіи, ряда, которое весьма близко къ понятію индивидуальнаго закона: l'évolution s'accomplit par le moyen des lois, quoique les formations auxquelles ces dernières ont naissance soient des formations individuelles quant au temps... L'histoire et le développement peuvent étudier des faits universels, généraux, ou singuliers, dans l'espace. Tous ces faits seront toujours individuels *quant au temps*. Il s'agit donc de trouver un élément qui neutralise cette individualisation des phénomènes par le temps, de généraliser les phénomènes même dans le temps. Ce rôle est rempli par la série, générale quant à la forme, individuelle quant au temps, c'est-à-dire ne se produisant qu'une seule fois dans son courant.

Гротенфельтъ—*Die Werthschätzung in der Geschichte*:—Sie (т. е. историческія науки, а равно и тѣ изъ естественныхъ наукъ, die sich überwiegend mit dem Besonderen befassen) sind sämtlich *ekklärende* Untersuchungen einer vorgelundenen, tatsächlichen, einmaligen Realität, nicht *systematische* Disziplinen im eigentlichen Sinne; sie zielen nicht unmittelbar auf Verallgemeinerungen ab. Sie beschreiben Einzeltatsachen, die nur einmal vorhanden sind, erforschen Entwicklungsvorgänge, die sich einmal ereignet haben, und erklären alle diese Dinge durch Herstellung ihres

Индивидуальная каузальность, или, как можно было бы сказать, индивидуальный законъ, имѣеть смыслъ „вообще необходимости“, какъ выражается Ключевскій, *силы вещей*. „Въ людскихъ дѣлахъ есть своя внутренняя закономерность, не поддающаяся усмотрѣнiю людей, которые ихъ дѣлають, и обыкновенно называемая *силою вещей*“¹⁾. Идея индивидуальной причинности и исторической необходимости отвергаетъ два крайнихъ представлениа объ историческомъ процессѣ, во-первыхъ, представлениа о немъ какъ о царствѣ свободы²⁾, и во-вторыхъ, поняте исторической закономерности³⁾.

Индивидуальное пониманiе исторiи не упраздняетъ примѣненiя къ культурно-историческому материалу общихъ законовъ. Съ чисто формально-логическихъ точекъ зрѣнiя, вся данная дѣйствительность могла бы стать объектомъ какъ естественно-научнаго, такъ и историческаго изложенiя. И къ области культуры примѣнимъ естественно-научный методъ: никакъ нельзя утверждать, что существуютъ *только* историческiя науки о культурѣ. Принципиально духовная жизнь вполне допускаетъ естественно-научное трактованiе; никто, слѣдовательно, не можетъ воспретить естественнаму изслѣдованiю объектовъ, съ которыми имѣеть дѣло исторiя въ обычномъ смыслѣ слова. Не только рядомъ съ историческими науками о культурѣ возможно естественно-научное

inneren, kausalen Zusammenhangs und Erforschung ihrer nicht direkt wahrnehmbaren Ursachen.

Видеть въ *Логикѣ* говорить о единичномъ законѣ, который можетъ быть примѣненъ лишь къ определенному историческому теченiю, и Мюнстербергъ въ *Grundzüge der Psychologie*—о специальномъ законѣ, который можетъ лишь одинъ разъ обнаружиться въ опытѣ (das komplizierteste Spezialgesetz, das in unserer Erfahrung nur einmal sich bethätigen kann).

1) S. Hessen *Individuelle Kausalität*: Wenn wir den Begriff der primären Kausalität konsequent durchdenken und den Widerspruch, der in ihm verborgen ist, lösen,—so zerstören wir den Begriff der Kausalität selbst, die Kausalität wird in ihrer Besonderheit aufgehoben, sie schlägt in einen anderen umfassenderen Begriff der Notwendigkeit um.

2) Такъ Droysen *Grundriss der Historik*. Для него: die geschichtliche Welt ist die Welt der Freiheit. О немъ см. Lorenz *Die Geschichtswissenschaft in Hauptrichtungen und Aufgaben*.

3) О. Контъ, Тэнъ, Лампрехтъ, Брейзигъ, Лакомбъ, Лоренцъ.

трактованіе ея, — для историка важно знаніе причинныхъ законовъ, такъ что внутри самой исторической науки индивидуализирующій методъ можетъ быть самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ генерализирующимъ. По словамъ Виндельбанда, идиографическія науки на каждомъ шагѣ нуждаются въ общихъ положеніяхъ, корректное обоснованіе которыхъ онѣ могутъ заимствовать только у номотетическихъ дисциплинъ. Всякое каузальное объясненіе какого-либо историческаго процесса предполагаетъ общія представленія о ходѣ вещей вообще; и если свести историческія доказательства къ ихъ чисто логической формѣ, то большими своими посылками они будутъ имѣть естественные законы совершающагося, въ особенности законы психическихъ процессовъ. Кто не имѣетъ понятія о томъ, какъ люди вообще мыслятъ, чувствуютъ и желаютъ, тотъ не только не сможетъ объединить отдѣльныя событія для общаго познанія совершающагося, но не сумѣетъ даже критически установить факты. И Риккертъ считаетъ необходимой для исторіи помощь естественныхъ законовъ. То обстоятельство, что выраженіе историческихъ причинныхъ связей возможно лишь съ помощью понятій, содержащихъ въ себѣ нѣкоторое общее каузальное понятіе или же нѣкоторый законъ природы, указываетъ на то, что историческая наука имѣетъ дѣло и съ общими понятіями, образованными естественно-научнымъ путемъ.

Но дѣло въ томъ, что эти законы, на которые опирается историческое изслѣдованіе, вырабатываются психологіей и соціологіей не историческимъ, а естественно-научнымъ, абстрактнымъ путемъ, это абстрактные законы психологій и соціологій, которые лежатъ въ основѣ исторической необходимости, но не суть законы исторіи и не создаютъ исторической закономерности. Есть соціологическая закономерность, но историческій ходъ нелланомѣренъ ¹⁾.

¹⁾ Удачно выражается Мюнстербергъ въ *Grundzüge der Psychologie*: Die sogenannte Geschichtsphilosophie, welche Gesetze sucht, ist notwendig Sozialphysiologie und Sozialpsychologie und diese bestehen zu Recht, so lange sie nicht beanspruchen, Geschichte oder gar Philosophie zu sein.

Отношеніе между исторіей, философией исторіи и соціологіей, кромѣ названныхъ раньше Бернгейма *Lehrbuch der Historischen Methode und der Geschichtsphilosophie* и Гротенфельта *Die Wertschätzung in der Geschichte*, отчетливо представляется у проф. Карѣва въ *Основныхъ вопросахъ фило-*

Такова въ развитомъ видѣ теорія историческаго процесса, которая предназначается у Маркса. Она находитъ себѣ широкій пріемъ, какъ у историковъ, такъ и у теоретиковъ соціальной философіи, критически развивающихъ ее съ той или другой стороны ¹⁾.

софіи исторіи. „Вотъ простое и понятное различіе между философіей исторіи и соціологіей. Философское, проникнутое объединяющей и руководящей идеей разсмотрѣніе сложнаго феномена всемірной исторіи, die denkende Betrachtung der Weltgeschichte, какъ сказалъ бы Гегель,—задача первой науки, задача второй—изслѣдованіе общихъ законовъ соціальной жизни, измѣняемость которой и составляетъ содержаніе историческаго процесса. Взятая съ феноменологической точки зрѣнія, исторія есть въ высшей степени сложная смѣна самыхъ пестрыхъ явленій въ жизни человѣчества; взятая съ точки зрѣнія номологической, она представляетъ изъ себя сложное соединеніе простыхъ процессовъ, изъ коихъ каждый подчиненъ спеціальному закону. Процессы механическіе, физическіе, химическіе участвовали въ образованіи послѣдовательныхъ состояній неорганической природы, какъ въ образованіи послѣдовательныхъ состояній человѣческихъ обществъ—процессы соціологическіе и психологическіе. Научное объясненіе геологій выпадаетъ на долю механики, физики, химіи, научное объясненіе исторіи есть дѣло психологій и соціологій. Въ геологій и исторіи мы изслѣдуемъ результаты извѣстной комбинаціи разнородныхъ процессовъ; въ механикѣ, физикѣ, химіи, психологій мы изолируемъ каждый элементарный процессъ и изучаемъ его въ простѣйшей формѣ... Въ совокупной дѣятельности членовъ общества происходятъ такія разнообразныя и сложныя сочетанія поступковъ, что нѣтъ возможности подвести эти сочетанія подъ однообразныя и простыя формулы, не говоря уже о невозможности дать такія формулы для всѣхъ обществъ, столь разнообразныхъ по составу. Понятно, что движеніе общества будетъ совершаться по равнодѣйствующей, суммирующей поведеніе его членовъ, но эта равнодѣйствующая будетъ необходимо измѣняться опять-таки самымъ неправильнымъ образомъ, поскольку сочетанія поступковъ будутъ тѣ или другія. Изученіе исторіи народа можетъ дать общую формулу этой равнодѣйствующей, но найти правило, которому подчинена эта равнодѣйствующая, наука не можетъ... Всемірно-историческій процессъ нецеломѣренъ“. См. его же *Введеніе въ изученіе соціологій*. Абстрактный характеръ соціологическихъ законовъ показывается наиболее ясно у Менгера (K) *Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften und der Politischen Oekonomie insbesondere*. Подробности, въ которыя я не могу входить, и дальнѣйшія литературныя указанія см. и въ ст. Н. Д. Кондратьева *Основныя ученія о законахъ развитія общественной жизни (Новыя идеи въ экономикѣ № 5 Закономерность общественной развитія)*.

¹⁾ Бернгеймъ *Lehrbuch der Historischen Methode und der Geschichtsphilosophie*, Эд. Мейеръ *Zur Theorie und Methodik der Geschichte. Geschichtsphilosophie*.

Теорія эта, какъ видимъ, не допускаетъ примѣненія къ историческому процессу естественно-научныхъ аналогій, которыя, однако, находятъ себѣ мѣсто въ социальномъ-экономическомъ ученіи Маркса. Онъ стоитъ на естественно-научной точкѣ зрѣнія, когда въ предисловіи къ первому изданію пишетъ: „По существу рѣчь идетъ не о болѣе высокой или низкой степени развитія общественныхъ антагонизмовъ, возникающихъ изъ естественныхъ законовъ капиталистическаго производства. Рѣчь идетъ о самыхъ этихъ законахъ, о тенденціяхъ, дѣйствующихъ и проявляющихся съ желѣзной необходимостью. Болѣе развитая въ промышленномъ отношеніи страна только показываетъ менѣе развитымъ странамъ картину ихъ собственной будущности“¹⁾. И общій строй его экономическаго ученія съ его основнымъ тезисомъ о возможности историческаго предвидѣнія и вытекающаго отсюда научнаго построенія социальнаго идеала имѣетъ естественно-научный видъ. Теоріей историческаго матеріализма, къ которой отсылаетъ насъ экономическое ученіе Маркса, этотъ натурализмъ во взглядѣ на историческій процессъ не только не подтверждается, но и принципиально устраняется. Исто-

sophische Untersuchungen, его же *Einleitung in die Geschichtswissenschaft*, Ланглюа-Сеньобосъ *Introduction aux études historiques*, А. А. Чупровъ *Очерки по теоріи статистики*, Ф. Экенеръ *О законахъ въ естественныхъ и въ гуманитарныхъ наукахъ*, Гротенфельтъ *Die Wertschätzung in der Geschichte*, его же *Geschichtliche Wertmassstäbe in der Geschichtsphilosophie bei Historikern und im Volksbewusstsein*, Гессенъ *Individuelle Kausalität (Kantstudien)*. М. Адлеръ *Kausalität und Teleologie im Streite um die Wissenschaft* даетъ критику теорій съ социалистической точки зрѣнія. Объективное изложеніе теорій и критика у проф. Ланпо-Данилевскаго въ *Методологии исторіи* и проф. Хвостова въ *Теоріи историческаго процесса*.

¹⁾ Вполнѣ на механической точкѣ зрѣнія стоитъ Ангельсъ въ слѣдующемъ мѣстѣ *Людвигъ Фейербахъ*: „Здѣсь (въ наукѣ объ обществѣ) надо было совершенно такъ же, какъ и въ области природы, устранить вымышленную, искусственную связь явленій посредствомъ указанія ихъ истинной связи. А эта задача, въ концѣ концовъ, сводилась къ открытію тѣхъ общихъ законовъ движенія, которые дѣйствуютъ въ исторіи человѣческаго общества. Но исторія развитія человѣческаго общества существенно отличается отъ исторіи развитія въ природѣ... Но какъ ни важно это различіе для историческаго изслѣдованія, особенно отдѣльныхъ эпохъ и событій, оно нисколько не измѣняетъ того факта, что ходъ исторіи опредѣляется общими законами“ и т. д.

рической процесс не есть царство свободы, но ему не может быть приписана и рациональность природного процесса.

Здѣсь, въ разсмотрѣннн характера исторической законности, мы подходимъ къ самому рѣшительному пункту въ критикѣ теоріи историческаго матеріализма. Мы къ нему вернемся ниже: прежде, чѣмъ его окончательно формулировать, нужно еще обсудить нѣсколько предварительныхъ вопросовъ.

Въ характерѣ историческаго процесса, въ томъ, что онъ не имѣетъ для человѣка рациональности природнаго процесса, ничего не измѣняетъ возможность социальной организаціи экономической жизни общества. Социальная организація не можетъ быть носителемъ абсолютныхъ этическихъ идеаловъ: ея движущей идеей-силой является не этика, а право ¹⁾. Условный, относительный характеръ социальныхъ идеаловъ соответствуетъ въ практической области указанному характеру историческаго процесса въ теоретической: ни въ теоріи, ни въ практикѣ не осуществляется полная рационалізація социально-исторической жизни. И въ этомъ насъ скорѣе всего убѣдитъ разсмотрѣніе классовой борьбы.

Классовая борьба. Вторую половину теоріи историческаго матеріализма составляетъ ученіе о классовой борьбѣ. Какъ понятію производительной силы, такъ и понятію класса

¹⁾ Уордъ *Dynamic sociology* II: The „pure morals“ of Kant and the „absolute ethics“ of Spencer can never be fully realized, and can only be approximately realized through a complete organization of human action. Также Болдуинъ *Social and ethical interpretations in mental development*. Зомбартъ *Der moderne Kapitalismus (Современный капитализмъ)*: „Социальные идеалы лишь тогда и лишь постольку способны оказывать рѣшающее вліяніе на хозяйственный строй, когда и поскольку они ступаютъ въ максимы экономической политики и такимъ образомъ опредѣляютъ собою вѣншее регулированіе хозяйственной жизни. Во всякомъ случаѣ они достигаютъ максима своего значенія, когда имъ удастся вызвать къ жизни систему нормъ практической политики или систему хозяйственнаго права... Политика, порожденная идеальными мотивами, всегда терпѣла фіаско, разъ она противорѣчила экономическимъ интересамъ сильнѣйшаго класса, или же выдвигалась на сцену въ всякаго соответствія съ экономическими интересами“. Относительность социальной практики признають Б. А. Кистяковскій *Соціальныя науки и право* и С. Л. Франкъ *Философія и жизнь* (ст. *Философскія предпосылки деспотизма*).

Марксъ не даетъ точнаго и устойчиваго опредѣленія. Изъ сопоставленія всего, высказаннаго имъ по этому вопросу, явствуется экономически-антагонистическій характеръ класса: социальный классъ есть общественная группа, объединенная одинаковыми экономическими интересами, т. е. одинаковымъ отношеніемъ ея членовъ къ общественному производству и распредѣленію,—и имѣющая общихъ антагонистовъ въ социальномъ процессѣ, т. е. связанная общею борьбою съ враждебными классами. Общая экономическая заинтересованность и социальная вражда—вотъ основные моменты въ ученіи Маркса о классовой борьбѣ¹⁾.

Ученіе о социальныхъ классахъ необходимо въ теоріи историческаго матеріализма, ибо только классовая заинтересованность и вражда дѣлаютъ абстрактный экономическій законъ реальною силою. Если общественные перевороты имѣютъ свой корень не въ головахъ людей, не въ идеяхъ, если формальная воля, выражающаяся въ политикѣ и прочей идеологіи, должна имѣть опредѣленное содержаніе, то экономическая заинтересованность, дающая это содержаніе, несетъ въ себѣ послѣднее объясненіе историческаго процесса. Никакъ нельзя представлять себѣ дѣло такимъ образомъ, что социальные законы экономической жизни фатально и сами собою, не проходя чрезъ головы людей и не дѣйствуя на ихъ волю, движутъ историческимъ процессомъ; нельзя представлять себѣ дѣло и такъ, что историческій законъ лишь идеально отражается въ головахъ людей, лишь чрезъ идею или пониманіе движетъ ихъ волю: экономическій законъ отражается въ матеріальной заинтересованности людей и этимъ путемъ заставляетъ ихъ дѣйствовать. „Безъ интереса воля равняется нулю“, говоритъ Марксъ. Въ понятіи экономического класса, повидимому, скрывается послѣднее

¹⁾ Делевскій *Социальные антагонизмы и классовая борьба въ исторіи*: „Классъ есть совокупность индивидуумовъ, объединенныхъ общимъ экономическимъ признакомъ и соответственнымъ общимъ экономическимъ интересомъ, независимо отъ существованія у нихъ другихъ признаковъ и интересовъ не-экономическихъ. Крупные землевладѣльцы, капиталисты, пролетаріи, крестьяне, пмущіе и немущіе, богатые и бѣдные, торговцы, промышленники, военные, чиновники, лица свободныхъ профессій, все это—классы, какъ группы, имѣющія общій экономическій признакъ и соответственно ему общій экономическій интересъ“.

разрѣшеніе марксистской проблемы: совпаденіе объективной законмѣрности съ активностью. Идеи могутъ быть безсильны и неустойчивы. Не то—заинтересованность. Она имѣетъ въ себѣ неизбежно матеріальный элементъ, который подлежитъ объективной законмѣрности; она составляетъ реальную силу, которая неуклонно опредѣляетъ человѣческую волю: въ силу матеріальныхъ интересовъ, въ силу того, что люди прежде всего „должны пить, ѣсть, одѣваться, имѣть жилища“, они дѣйствуютъ законмѣрно.

Марксизмъ примѣняетъ теорію классовой борьбы и въ отношеніи къ прошедшему и въ отношеніи къ будущему. Идеей классовой борьбы онъ освѣщаетъ все прошлое человѣческой исторіи. „Съ самаго начала цивилизаціи въ основу производства былъ положенъ антагонизмъ кастъ, сословій, классовъ, антагонизмъ накопленнаго и непосредственнаго труда. Безъ антагонизма нѣтъ прогресса: вотъ законъ, которому слѣдовала цивилизація до нашихъ дней. Вся исторія всякаго общества была до сихъ поръ исторіей борьбы классовъ“. Но для борьбы имѣетъ значеніе и сознаніе; объ ней можно разсуждать и въ отношеніи къ будущему. Каждый классъ проходитъ не менѣе двухъ фазъ въ своемъ развитіи, въ своей соціальной борьбѣ: фазу безсознательной борьбы и фазу борьбы сознательной. Въ первой онъ бываетъ классомъ въ отношеніи къ другимъ классамъ, классомъ не-конституированнымъ, во второй—классомъ для себя, классомъ конституированнымъ. Такъ было съ буржуазіей. „Въ процессѣ развитія буржуазіи мы должны различать двѣ стадіи: ту, въ теченіе которой она конституировалась въ классъ при господствѣ феодализма и абсолютной монархіи, и ту, когда она, уже сконституировавшись въ классъ, свергла абсолютизмъ и монархію, чтобы превратить общество въ буржуазное общество“. То же наблюдается и въ исторіи пролетаріата, въ исторіи его борьбы съ буржуазіей. Борьба эта началась еще раньше, чѣмъ она была почувствована обѣими сторонами, замѣчена ими, оцѣнена, понята, признана и открыто провозглашена: сначала проявлялась она въ видѣ частныхъ, внезапныхъ конфликтовъ, сопровождавшихся разрушительными актами. „Пока пролетаріатъ еще недостаточно развитъ, чтобы конституироваться въ классъ, пока, слѣдовательно, самая борьба пролетаріата съ буржуазіей еще не

носить политическаго характера, а производительныя силы еще недостаточно развились въ нѣдрахъ самой буржуазіи, чтобы позволить предусмотрѣть матеріальныя условія, необходимыя для освобожденія пролетаріата и для образованія новаго общества,—до тѣхъ поръ теоретики класса пролетаріата являются только утопистами“. „Экономическія условія сначала превратили массу населенія въ рабочихъ. Господство капитала создало для этой массы общее положеніе, общіе интересы. Такимъ образомъ, эта масса уже превратилась въ классъ по отношенію къ капиталу, но еще не въ классъ для себя. Въ борьбѣ, нѣсколько фазъ которой мы очертили, эта масса объединяется и конституируется въ классъ для себя. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами. Но борьба классовъ есть борьба политическая“. Это все взято изъ *Нищеты философіи*. Раньше то же было изложено въ *Коммунистическомъ Манифестѣ*. Непланомѣрная борьба пролетаріата постепенно осмысливается. „Съ развитіемъ промышленности пролетаріатъ не только численно растетъ, но и концентрируется въ болѣе значительныхъ массахъ; растетъ сила пролетаріевъ и они начинаютъ сознавать эту силу. Индивидуальныя столкновенія между рабочимъ и буржуа принимаютъ все въ большей и большей степени характеръ столкновенія между двумя классами. Но всякая классовая борьба есть борьба политическая“. Своимъ собственнымъ призваніемъ Марксъ и Энгельсъ считали дѣло конституированія пролетаріата въ классъ, организацію пролетарскаго класса. Довольно ясно, какое значеніе сознаніе имѣетъ въ исторіи класса: оно усиливаетъ объединеніе общественной группы, сплоченной общностью интересовъ, и до крайности напрягаетъ ея борьбу съ социальными противниками, придавая ей политическую форму. Въ такомъ дѣйствіи сознанія на историческій процессъ нѣтъ ничего радикальнаго.

Марксъ и Энгельсъ не только думали, что пролетаріатъ, при содѣйствіи научнаго социализма, достигаетъ послѣдней фазы своего классоваго развитія, какъ это бывало раньше и съ другими классами, напр. буржуазіей: но они полагали также, что пролетаріатъ нынѣ достигаетъ такой ясности классоваго сознанія, какой прежде никогда не достигалъ ни одинъ классъ, такъ что пролетаріатъ призывается занять

исключительное мѣсто во всемирной исторіи классовыхъ интересовъ и классовой борьбы. „Характернымъ отличіемъ нашей эпохи—эры буржуазіи, по словамъ *Коммунистическаго Манифеста*, является то, что антагонизмъ классовъ теперь упростился“. И этого мало. Пролетарская борьба стремится къ цѣлямъ, какихъ не ставилъ себѣ раньше ни одинъ общественный классъ: его послѣдняя цѣль—уничтоженіе классовъ. Ближайшая его программа—достиженіе политической власти, политическаго господства, къ которому ведетъ борьба на смерть: „борьба или смерть, кровавая война или небытіе“. Но достигнувъ кровавою борьбою политическаго господства, пролетаріатъ уничтожить самую возможность политической власти, самое существованіе классоваго господства. „Всѣ прежніе общественные классы, добившись господства, старались упрочить свое положеніе, распространяя свой способъ присвоенія на все общество. Пролетаріи могутъ овладѣть общественными производительными силами лишь тогда, когда они уничтожатъ свой собственный способъ присвоенія, а тѣмъ самымъ и вообще тотъ способъ присвоенія, который господствуетъ въ современномъ обществѣ. Пролетаріямъ нечего упрочивать; они должны, напротивъ, разрушить всѣ упрочившіеся способы частнаго обогащенія и частнаго обезпеченія. Когда антагонизмъ классовъ съ дальнѣйшимъ ходомъ развитія уничтожится и все производство будетъ концентрировано въ рукахъ ассоціированныхъ индивидуумовъ, тогда исчезнетъ и политическій характеръ общественной власти. Политическая власть есть, собственно говоря, власть, организованная однимъ классомъ для угнетенія другихъ. Если пролетаріатъ въ своей борьбѣ противъ буржуазіи организуется въ классъ, достигаетъ классоваго господства и, въ качествѣ господствующаго класса, уничтожаетъ старыя производственныя отношенія, то вмѣстѣ съ этими производственными отношеніями онъ уничтожаетъ также и условія существованія антагонизма классовъ, уничтожаетъ самые классы, а тѣмъ самымъ и свое собственное классовое господство“. То же возвѣщается и въ *La misère de la philosophie*. „Условіемъ освобожденія рабочаго класса является уничтоженіе всякихъ классовъ, подобно тому, какъ условіемъ освобожденія третьяго сословія, буржуазіи, было уничтоженіе всякихъ сосло-

вій и всякихъ чиновъ. Рабочій классъ въ ходѣ своего развитія замѣнитъ старое гражданское общество ассоціаціей, въ которой не будетъ мѣста ни классамъ, ни ихъ антагонизму, и въ которой уже не будетъ политической власти въ собственномъ смыслѣ слова, такъ какъ именно политическая власть есть официальное выраженіе антагонизма классовъ внутри гражданского общества“.

Идея освобожденія будущаго общества отъ классоваго дѣленія входитъ въ понятіе того „прыжка изъ царства необходимости въ царство свободы“, о которомъ говорятъ и Марксъ и Энгельсъ. И эта идея столь же беспочвенна и утопична, столь же противорѣчитъ реалистическому методу изслѣдованія. Эта идея образуетъ собою не плодъ наблюденія надъ реальною жизнью, а измышленіе мечтательной головы. Пролетаріатъ, конечно, стремится къ уравненію съ господствующимъ классомъ, однако это стремленіе есть лишь неизбѣжный, но вполнѣ условный и преходящій моментъ, чрезъ который должны пройти думы и желанія угнетенныхъ. Оно не менѣе относительно, какъ и желаніе господствующаго класса удержать у себя свое. Мы имѣемъ слѣды головного происхожденія идеи уничтоженія пролетаріатомъ въ будущемъ обществѣ классоваго дѣленія въ ранней статьѣ Маркса *Къ критикѣ гегелевской философіи права*. Марксъ обсуждаетъ здѣсь социальное состояніе Германіи и Франціи. Въ Германіи всѣ классы придавлены крайне ограниченнымъ кругозоромъ. Всѣмъ отдѣльнымъ классамъ Германіи недостаетъ прежде всего послѣдовательности, рѣзкости, мужества, неуклонности—для того, чтобы играть роль отрицательнаго представителя общества. Сословіямъ Германіи недостаетъ въ такой же степени и той широты души, которая способна отождествить себя хотя-бы на одинъ моментъ съ народной душой, той геніальности, которая воодушевляетъ матеріальную силу и превращаетъ ее въ политическую власть, той смѣлости, которая дерзко бросаетъ противнику вызовъ: „я ничто, и я должна быть всѣмъ“. Напротивъ, въ основѣ нѣмецкой морали и честности не только индивидуальной, но и классовой, лежитъ тотъ скромный эгоизмъ, который повсюду отстаиваетъ свою ограниченность и который позволяетъ другимъ отстоять ихъ ограниченность. Отсюда неудачи социальной борьбы. Каждая изъ сферъ гражданского общества въ

Германіи терпитъ пораженія еще раньше, чѣмъ она отпраздновала свою побѣду; она начинаетъ устанавливать свои собственные ограниченія еще раньше, чѣмъ ниспровергла ограничивающія ее самое ограниченія; она проявляетъ свое безсердечіе еще раньше, чѣмъ получила возможность проявить свое великодушіе. Такимъ образомъ, случай сыграть крупную роль оказывается уже позади раньше, чѣмъ онъ появился на свѣтъ, и каждый классъ не успѣетъ начать борьбу съ стоящимъ выше его классомъ, какъ онъ уже вовлеченъ въ борьбу съ классомъ, стоящимъ ниже его. Во Франціи—обратное (антитезисъ). Тамъ каждый классъ политическій идеалистъ, онъ чувствуетъ себя раньше всего не особеннымъ классомъ, а представителемъ соціальныхъ потребностей вообще. Роль освободителя переходитъ, поэтому, по очереди въ рядъ драматическихъ дѣйствій къ различнымъ классамъ французскаго народа. Въ чемъ же спасеніе (синтезъ)? Въ чемъ заключается положительная возможность нѣмецкой эмансипаціи? Отвѣтъ дается по методу гегелевской діалектики: въ образованіи класса съ радикальными цѣлями, — класса буржуазнаго общества, который не есть вовсе классъ буржуазнаго общества, сословія, которое есть разложеніе всѣхъ сословіи, сферы, которая имѣетъ универсальный характеръ вслѣдствіе своихъ универсальныхъ страданій, которая не заявляетъ притязанія на какое-нибудь особенное право, такъ какъ она терпитъ не какую-нибудь особенную несправедливость, а несправедливость вообще, которая претендуетъ не на какой-нибудь историческій титулъ, а на человѣческую титулъ, которая не находится въ какомъ-нибудь одностороннемъ противорѣчій съ послѣдствіями нѣмецкаго государственнаго строя, а во всестороннемъ противорѣчій съ его предпосылками, которая, наконецъ, не можетъ освободить себя, не освобождая себя отъ всѣхъ остальныхъ сферъ общества и, слѣдовательно, не освобождая всѣхъ остальныхъ сферъ общества, словомъ, сферы, которая есть полная потеря человѣка и которая, слѣдовательно, не можетъ обрѣсти себя безъ того, чтобы человѣкъ вновь не обрѣлъ себя цѣлкомъ. Это разложеніе общества, воплощенное въ особенномъ сословіи, есть пролетаріатъ...

Такъ Марксъ заблаговременно предначерталъ идеаль пролетаріата, выработалъ формулу, въ которую должно улечься

историческое развитіе этого класса,—и выработалъ онъ эту формулу по всѣмъ правиламъ гегелевскаго метода. Роль пролетариата, какъ освободителя будущаго общества отъ классоваго дѣленія въ своемъ головномъ генезисѣ неразрывно связана съ такими призраками нѣмецкой діалектики, какъ „несправедливость вообще“, „человѣкъ вообще“ и тому подобными: съ исчезновеніемъ этихъ призраковъ улетучивается воздушный замокъ пролетарскаго идеала. Марксъ приводитъ, какъ будто, историческое основаніе, когда пишетъ: „условіемъ освобожденія рабочаго класса является уничтоженіе всякихъ классовъ, подобно тому, какъ условіемъ освобожденія третьяго сословія, буржуазіи, было уничтоженіе всякихъ сословій“. Но именно этотъ-то историческій примѣръ и говоритъ объ иномъ. Согласимся, что пролетариатъ нельзя назвать четвертымъ сословіемъ и что буржуазія уничтожила всякія сословія; но вѣдь съ уничтоженіемъ сословій не наступило „царство свободы“, царство абсолютно-раціональной организаціи, а наступило время классовой борьбы: сословія замѣнились классами. Замѣна же сословій классами съ точки зрѣнія „прыжка въ царство свободы“ не имѣетъ никакого значенія,—отъ этого идеала крѣпостная зависимость не болѣе далека, чѣмъ экономическое рабство пролетариата. Если съ уничтоженіемъ сословій не наступило царство свободы, то почему же мы должны ждать, что это царство немедленно наступитъ съ уничтоженіемъ классовъ? Не болѣе ли основаній думать, что какъ классами замѣнились сословія, такъ и классы замѣнятся чѣмъ-либо однороднымъ, какимъ-либо социальнымъ дѣленіемъ, столь же далекимъ отъ идеала социальной свободы? Не смѣнится ли классовая борьба борьбою профессиональныхъ группъ или мѣстныхъ корпорацій, какъ это и утверждаетъ А. Менгеръ ¹⁾? Не тѣмъ ли менѣе надеждъ ²⁾ на пришествіе раціональной организаціи, что классовою борьбою и нынѣ не исчерпываются социальные антагонизмы ³⁾?

1) *Соціализмъ и этика*. См. также: Отто Бауэръ *Марксизмъ и этика*, Шмоллеръ *Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre*.

2) По вопросу о неизсякаемости социальныхъ антагонизмовъ много проникательнаго сказано у Зиммеля *Соціальная дифференціація*, Кялда *Соціальная эволюція*, Ценкера *Gesellschaft*.

3) См. Делевскій *Соціальные антагонизмы*, Л. Гартманъ *Ueber historische Entwicklung*.

То, что остается от теории классовой борьбы за вычетом предположений о прошлом, как теряющих цѣнность съ наступленіемъ классовой сознательности, и мечтаній о будущемъ, какъ утопическихъ, является эмпирическимъ представленіемъ о силѣ классовыхъ интересовъ, правда, не вполне безмысленной, но и не вполне рациональной, т. е. не имѣющей ни рациональности природнаго процесса, ни абсолютной разумности этической организаціи. Сознанный классовый интересъ есть самодовлѣющая величина, которая не опредѣляется безусловною закономѣрностью. Онъ никогда не бываетъ меньше самого себя, т. е. природнымъ, и никогда не можетъ быть выше себя, т. е. этически разумнымъ. Заимствуя сравненіе изъ *Коммунистическаго Манифеста*, мы можемъ сказать, что классовый интересъ пролетаріата для марксизма подобенъ тѣмъ подземнымъ силамъ, которыя онъ можетъ вызвать, но съ которыми онъ не можетъ справиться. И конституированный классъ, въ дальнѣйшемъ процессѣ, руководится живымъ интересомъ, а не идетъ по предначертанному пути. Позднѣйшая исторія пролетаріата есть исторія тактическихъ отступленій социаль-демократіи отъ ортодоксальнаго пути на путь ревизионистскихъ компромиссовъ ¹⁾.

И отрицать фактъ классовой борьбы и классовыхъ интересовъ мы должны по реалистическому критерию, а не по предвзятой теоріи. Это есть фактъ, съ которымъ приходится считаться и предъ лицомъ котораго безсилна всякая проповѣдь. Классовая борьба приноситъ относительную социальную полезность: общественная жизнь, а не прозябаніе, состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ непрерывномъ возстановленіи гармоніи интересовъ, а нѣтъ другого пути къ этой общественной гармоніи, кромѣ борьбы интересовъ ²⁾. Принципъ классовой борьбы, однако, никогда не бываетъ абсолютнымъ, всегда умѣряясь социальною солидарностью: онъ и не долженъ быть абсолютнымъ, такъ какъ его полезность относительна: классовая борьба полезна лишь въ той мѣрѣ, въ какой она ведетъ къ общественной гармоніи. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо оправдывается, что жизнь имѣетъ свой

¹⁾ Э. Мильо *Тактика социализма, Сталинскаго Тактичскій кризисъ социализма.*

²⁾ Шмоллеръ, Вагнеръ.

смысль, который кажется безуміемъ челоуѣческому уму. Въ этомъ подлинно реалистическое міровоззрѣніе.

Эволюція теоріи. Экономическій матеріализмъ выясняется въ длинномъ ряду ограниченій и дополненій, которыми онъ обставленъ у авторовъ теоріи, ея сторонниковъ и критиковъ.

Уже попытка Маркса и Энгельса утвердить свое учение на появившейся позднѣе біологической теоріи Дарвина и Спенсера показываетъ, что они чувствовали незаконченность теоріи историческаго матеріализма.

Въ третьемъ томѣ *Капитала* Марксъ внесъ въ формулу историческаго матеріализма то измѣненіе, что призналъ значеніе націи, какъ соціально-историческаго фактора. „Одинаковая хозяйственная основа — одинаковая по главнѣйшимъ условіямъ—благодаря различнымъ эмпирическимъ обстоятельствамъ, естественнымъ условіямъ, расовымъ особенностямъ, историческимъ вліяніямъ, дѣйствующимъ извнѣ, можетъ проявляться въ безчисленныхъ видоизмѣненіяхъ и переходахъ, которые можно постичь только анализомъ такихъ эмпирически данныхъ обстоятельствъ“.

Видоизмѣненію теоріи еще болѣе содѣйствовалъ Энгельсъ. Ознакомившись съ трудами Моргана по исторіи семьи (*Systems of consanguinity and affinity* 1871 и *Ancient Society* 1877), Энгельсъ нашелъ себя вынужденнымъ для объясненія исторической жизни присоединить къ фактору матеріальнаго производства новый факторъ—семью. Это онъ сдѣлалъ въ книгѣ *Der Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staats* 1884.

Еще важнѣе его четыре письма объ историческомъ матеріализмѣ: первое отъ 21 сент. 1890, второе отъ 27 окт. того же года, третье отъ 14 іюля 1893 и четвертое отъ 25 янв. 1894 ¹⁾. Здѣсь историческій матеріализмъ ограничивается въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, экономика называется не *единственно* опредѣляющимъ началомъ въ исторіи, а только опредѣляющимъ историческое развитіе въ послѣднемъ счетѣ; во-вторыхъ, признается взаимодѣйствіе между экономическимъ базисомъ и идеологической надстройкой. „По матеріалистическому пониманію исторіи,—пишетъ здѣсь Энгельсъ,—опредѣляющимъ моментомъ въ исторіи является

¹⁾ Перепечатаны въ *Dokumente des Sozialismus* Band II, 13. Heft.

въ послѣднемъ счетѣ (*in letzter Instanz*) производство и воспроизводство дѣйствительной жизни. Болѣе этого не утверждали ни Марксъ, ни я (*mehr hat weder Marx noch ich je behauptet*). Если же кто-нибудь поворачиваетъ эту мысль въ томъ направленіи, что экономическій моментъ является *единственно* опредѣляющимъ (*das einzig bestimmende*), то онъ превращаетъ этотъ тезисъ въ ничего не говорящую абстрактную, абсурдную фразу. Экономическое положеніе составляетъ базисъ, но различные моменты надстройки—политическія формы классовой борьбы и ея результатъ, общественный строй, который устанавливается послѣ выиграннаго боя побѣдившимъ классомъ и т. д., правовыя формы, даже отраженіе всѣхъ этихъ дѣйствительныхъ конфликтовъ въ мозгу участниковъ, политическія, юридическія, философскія теоріи, религіозныя воззрѣнія и ихъ дальнѣйшее развитіе въ системы догматовъ, все это оказываетъ вліяніе на теченіе исторической борьбы и, во многихъ случаяхъ, преимущественно опредѣляетъ ихъ форму. Именно во взаимодействіи всѣхъ этихъ моментовъ, въ концѣ концовъ, протекаетъ чрезъ все безконечное множество случайностей, какъ необходимость, экономическое движеніе“. „Поскольку люди, прилежащіе религіи, философін и т. д., образуютъ самостоятельную группу среди общественнаго раздѣленія труда, постольку продукты ихъ дѣятельности, включая ихъ заблужденія, оказываютъ *обратное воздѣйствіе* (*einen rückwirkenden Einfluss*) на все общественное развитіе, даже на экономическое“. Энгельсъ непосредственно добавляетъ: „Но все-же они сами находятся подъ властнымъ вліяніемъ экономическаго развитія“. Еще. „Политическое, правовое, философское, религіозное, литературное, художественное развитіе и т. д. основывается на экономическомъ. Но всѣ они реагируютъ другъ на друга и на экономическій базисъ. Не такъ нужно представлять дѣло, что только одно экономическое положеніе служитъ причиной, является единственно активнымъ, а все остальное только пассивное дѣйствіе. Но происходитъ взаимодействие на основаніи всегда проявляющейся, въ послѣднемъ счетѣ, экономической необходимости... Слѣдовательно, не существуетъ, какъ иногда казалось бы удобнымъ предположить, автоматическаго дѣйствія экономическаго положенія, но люди сами дѣлаютъ свою исторію, однако въ данной, обуславливаю-

щей ее средѣ, на основаніи установившихся фактическихъ отношеній, изъ которыхъ экономическія, какое бы вліяніе они ни испытывали со стороны остальныхъ политическихъ и идеологическихъ отношеній, въ конечномъ счетѣ являются рѣшающими и образуютъ путеводную нить, которая одна только приводитъ къ пониманію“.

Э. Бернштейнъ—*Die Voraussetzungen des Socialismus und die Aufgabe der Socialdemokratie*—придаетъ важное значеніе высказанной Энгельсомъ мысли о взаимодѣйствіи идеологическаго и экономическаго фактора. Но Плехановъ, Каутскій, Мерингъ настойчиво протестуютъ противъ соединяющихся съ нею идеалистическихъ притязаній. Энгельсъ не сказалъ ничего новаго сравнительно съ Марксомъ, который никогда не забывалъ о посредствующей роли психическаго фактора, но дѣло въ томъ, что, согласно Марксу, сама человѣческая дѣятельность является не свободной, а необходимой. Явное дѣло, что, не выходя изъ предѣловъ экономическаго матеріализма, всякія идеалистическія потуги вертятся въ заколдованномъ кругу.

Столь же очевидно, что идея взаимной зависимости факторовъ экономическаго и идеологическаго не пріобрѣтаетъ болѣе вѣса отъ того, что она выставляется въ качествѣ возраженія противъ теорій историческаго матеріализма, какъ это дѣлаютъ Ксенополь ¹⁾, Вагнеръ ²⁾ и другіе ³⁾. Въ этой идеѣ содержится ограничивающая эту теорію мысль о зависимости экономическихъ отношеній отъ духовной сферы, но въ нее же входитъ и мысль, подтверждающая теорію, о зависимости духовной сферы отъ экономики, все равно, какова бы ни была степень или форма этой зависимости.

Вейзенгрюнъ ⁴⁾ признаетъ три фазы въ эволюціи человѣчества: первую, когда преобладающее значеніе принадлежало семейнымъ условіямъ (*Epoche der Familienbedingungen*), вторую, когда господствующую роль играли экономическіе интересы, въ третью же эпоху идеологическая надстройка отрѣшается отъ своего экономическаго базиса и становится

1) *La théorie de l'histoire.*

2) *Grundlegung der politischen Oekonomie.*

3) Шмоллеръ, Каръевъ.

4) *Die Entwicklungsgesetze der Menschheit.*

независимой. Однако позднее ¹⁾ самъ авторъ заявилъ, что этой интерпретаціей исторической эволюціи социалистическая тенденція теоріи историческаго матеріализма не преодолѣвается.

Бернштейнъ болѣе рѣшительно склоняется къ идеализму. Въ статьѣ *Реалистическій и идеологическій моментъ въ социализмъ* ²⁾ онъ утверждаетъ, что и историческій матеріализмъ неизбежно долженъ признать „идеальныя силы“. Это, прежде всего, интересъ, когда онъ является *сознательнымъ* и *посредственнымъ*, а не чисто личнымъ интересомъ, т. е. интересомъ всего класса, требующимъ жертвы личными выгодами. Въ этомъ случаѣ интересъ тѣсно связывается съ *соціальнымъ* или *этическимъ* элементомъ и бываетъ не только *интеллектуальной*, но также и моральной, коротко, идеальной силой. Вторая „идеальная сила“ идеализма—познаніе, безъ котораго не можетъ обойтись и пролетаріатъ. Пролетарскія идеи, т. е. социалистическое пониманіе государства, общества, исторіи идеологій, будучи реалистическими по своему направленію, поскольку обращается преимущественное вниманіе на матеріальные факторы развитія, все-же представляютъ мысленныя отраженія, выводы, опирающіеся на раскрытую съ помощью мысли связь фактовъ, и поэтому необходимо *окрашены идеологіей*. Это, въ-третьихъ, *нравственное сознаніе*, или *правосознаніе*. Справедливость является очень сильнымъ мотивомъ социалистическаго движенія, да и вообще *ни одно длительное движеніе массъ не существуетъ безъ нравственнаго побужденія*. Не зачѣмъ идеализировать это побужденіе; зависть часто также служитъ источникомъ стремленія къ справедливости, но коренится ли это стремленіе въ возвышенныхъ или низменныхъ побудительныхъ мотивахъ, оно всегда остается *идеологическимъ* факторомъ.

И однако Бернштейнъ хочетъ лишь дополнить теорію историческаго матеріализма, а не отвергнуть (... verzichte ich keineswegs auf die ökonomische Begründung der sozialistischen Forderungen, noch leugne ich den engen Zusammenhang der sozialistischen Bewegung mit der ökonomischen Entwicklung der Gesellschaft).

1) *Das Ende des Marxismus.*

2) *Zur Geschichte und Theorie des Socialismus.*

Жоресъ въ своей ст. *Идеалистическое пониманіе исторіи* (Neue Zeit 1896) утверждаетъ, что матеріалистическое объясненіе исторіи, которое видитъ существенную основу и конечную движущую силу историческаго развитія въ экономическихъ отношеніяхъ, и объясненіе идеалистическое, по которому человѣчеству изначала присуща идея права и справедливости и его историческое движеніе опредѣляется не механическимъ и автоматическимъ измѣненіемъ способа производства, а вліяніемъ апріорно даннаго идеала справедливости,—не исключаютъ другъ друга, подобно тому какъ, по разъясненію Декарта, Лейбница, Спинозы, Канта и Гегеля, примиряются детерминизмъ и свобода. Концепціи матеріалистическая и идеалистическая должны проникать другъ друга такъ же, какъ въ органической жизни человѣка другъ друга проникаютъ механика мозга и свободное сознаніе. Наша жизнь есть одновременно жизнь физиологическая и сознательная, механическая и самопроизвольная. Нѣтъ ни одной мысли, которой не соотвѣтствовало бы движеніе мозга, и нѣтъ ни одного движенія въ мозгу, которому не соотвѣтствовалъ бы хотя бы зародышъ мысли. То же самое происходитъ и въ исторіи. Всѣ историческія явленія и событія можно объяснить экономической эволюціей, но въ то же время движущую силу развитія можно видѣть въ постоянномъ движеніи человѣчества къ высшей формѣ существованія. Можно согласиться съ Марксомъ въ томъ, что все развитіе интеллектуальной, моральной и религіозной жизни человѣка есть отраженіе экономическихъ отношеній въ мозгу; но вмѣстѣ съ тѣмъ существуетъ вѣдь, какъ нѣкоторое предварительное условіе, человѣчeskій мозгъ со всѣми его способностями. Среди этихъ способностей особенно слѣдуетъ отмѣтить—способность къ безкорыстнымъ чувствамъ и стремленіе къ единству. Историческое развитіе не есть механическая смѣна одной формы производства другою, но въ смѣнѣ экономическихъ формъ осуществляется идеальное развитіе человѣчества, и каждая изъ этихъ формъ все меньше противорѣчитъ понятію человѣчества. Исторія человѣчества не просто необходимый процессъ развитія, а развитіе прогрессивное, имѣющее разумный смыслъ. Стремленіе человѣчества къ справедливости проявилось на протяженіи долгихъ вѣковъ въ постоянной борьбѣ за такой общественный строй,

который заключалъ бы въ себѣ менѣе рѣзкія противорѣчія, чѣмъ существующій. Несмотря на все различія среды, условій времени, экономическихъ требованій, одинъ и тотъ же вопль отчаянія, одинъ и тотъ же крикъ радостной надежды мы слышимъ изъ устъ раба, крѣпостного, пролетарія. И это, никогда не умирающее, стремленіе человѣческаго духа составляетъ самую душу такъ называемаго права. Слѣдовательно, нельзя противопоставлять другъ другу материалистическое и идеалистическое пониманіе исторіи: оба они сливаются въ единую нераздѣльную концепцію. Если нельзя оторвать человѣка отъ экономическихъ отношеній, въ которыхъ онъ живетъ, то въ такой же мѣрѣ невозможно оторвать экономическія отношенія отъ человѣка. Историческое развитіе представляетъ собою въ одно и то же время и процессъ, совершающійся по чисто механическимъ законамъ, и стремленіе человѣческаго духа, повинующагося законамъ идеала.

Жоресу отвѣтилъ Лафаргъ (ib.). Различіе между Жоресомъ и марксистами сводится къ изслѣдованію возникновенія и развитія идей. Идея справедливости, которая, по мнѣнію Жореса, въ безсознательномъ состояніи дремлетъ въ головѣ дикаря, образовалась въ человѣческомъ мозгу лишь послѣ возникновенія частной собственности. Дикари не имѣютъ понятія о справедливости. У нихъ даже нѣтъ словъ для обозначенія этой идеи. Жоресъ утверждаетъ, что противорѣчіемъ между идеями братства и справедливости, съ одной стороны, и социальной средой, съ другой, опредѣляется развитіе человѣчества. Будь это такъ, тогда вообще не могло бы быть рѣчи объ исторической эволюціи. Въ такомъ случаѣ человѣкъ не переступилъ бы первобытной, коммунистической ступени, на которой не существовало и не могло существовать идеи справедливости, а братскія чувства могли проявляться свободнѣе, чѣмъ на какой-бы то ни было другой ступени общественнаго развитія. Въ дѣйствительности, идея справедливости, вмѣсто того, чтобы вступать въ противорѣчіе съ явленіями данной социальной среды, напротивъ, приспосабливается къ нимъ.

Противъ этихъ возраженій Жоресъ, который самъ „стоитъ на почвѣ материалистическаго и позитивнаго пониманія исторіи“, безпомощенъ.

Противъ идеи историческаго матеріализма выступилъ Бельфортъ Баксъ въ статьѣ *Матеріалистическое пониманіе исторіи*. Стремленіе свести всю человѣческую жизнь къ одному элементу, объяснить всю исторію на основѣ экономики, не считается съ тѣмъ фактомъ, что всякая конкретная реальность необходимымъ образомъ имѣетъ двѣ стороны, матеріальную и формальную, и, слѣдовательно, по меньшей мѣрѣ, два основныхъ элемента; ибо, въ противоположность абстракціи, реальная дѣйствительность заключается въ синтезѣ. Спекулятивныя, эстетическія и этическія способности человѣка существуютъ въ человѣческомъ обществѣ съ самаго начала, правда—въ неразвитомъ состояніи, а не являются простымъ продуктомъ матеріальныхъ факторовъ человѣческаго существованія, хотя какъ проявленія въ каждомъ изъ прошлыхъ періодовъ подвергались все болѣе ослабѣвающему, но часто все еще значительному вліянію этихъ факторовъ. Все развитіе общества въ цѣломъ въ гораздо болѣе степени зависѣло отъ его матеріальной основы, чѣмъ отъ какой-либо спекулятивной, этической или эстетической причины; но это не значитъ, что каждая такая „идеологическая“ причина можетъ быть сведена къ чисто матеріальному условію. Общество имѣетъ опредѣленное экономическое развитіе, но оно обладаетъ также опредѣленнымъ духовнымъ развитіемъ, и лишь взаимодѣйствіе обонхъ даетъ въ результатѣ социальную эволюцію въ ея конкретныхъ формахъ. Крайнее направленіе матеріалистическаго пониманія исторіи такая же односторонность, какъ и противоположное, идеалистическое, объясненіе исторіи. Впрочемъ, по мнѣнію Бакса, первое направленіе ближе подходитъ къ истинѣ.

Баксу отвѣтилъ К. Каутскій въ ст. *Матеріалистическое пониманіе исторіи и психологическій факторъ*. Мнѣніе Бакса, что нравственность, религія, искусство, наука создаются не исключительно экономическими условіями, ибо еще необходимо, чтобы эти условія воздѣйствовали на людей, одаренныхъ извѣстными этическими, эстетическими, спекулятивными способностями,—это мнѣніе Каутскій считаетъ подлиннымъ выраженіемъ идеи историческаго матеріализма. Ни одна историческая теорія не ставитъ своей задачей объяснить художественное или философское творчество: она занимается лишь объясненіемъ тѣхъ *измѣнчивой*, которыя это

творчество испытываетъ въ различные періоды. Экономическія отношенія не являются единственнымъ факторомъ, опредѣляющимъ „всю человѣческую дѣятельность“, „всю человѣческую жизнь въ цѣломъ“, но среди факторовъ, вліяющихъ на человѣческую жизнь, они составляютъ единственный *переменный* факторъ. Вся полемика Бакса есть борьба съ вѣтранными мельницами.

Обмѣнъ полемическими статьями Бакса и Каутскаго продолжался: первый написалъ: *Синтетическое или нео-марксистское пониманіе исторіи* и *Границы материалистическаго объясненія исторіи*, второй—*Что хочетъ и можетъ дать материалистическое пониманіе исторіи* и *Утоническій и материалистическій марксизмъ*. Каутскій согласился признать, что „отдѣльныя личности могутъ очень много дать своей эпохѣ“, что „человѣческій духъ приводитъ въ движеніе общество“, но съ оговоркой: „человѣческій духъ приводитъ въ движеніе общество не какъ *господинъ* экономическихъ условій, а какъ *слуга*“. Баксъ удовольствовался этою уступкою, заявивъ: „Каутскій дѣлаетъ тутъ большой шагъ мнѣ навстрѣчу“. Но и съ своей стороны Баксъ идетъ на мировую. „Никто не подчеркнулъ сильнѣе, чѣмъ“ самъ Баксъ, „того обстоятельства, что до сихъ поръ на всемъ протяженіи человѣческой исторіи экономическія условія, употребляя выраженіе Каутскаго, были господиномъ, а духъ—слугою“.

Явное дѣло, что „дискуссія“ Бакса и Каутскаго осталась совершенно безплодною.

М. Гарѣвъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
